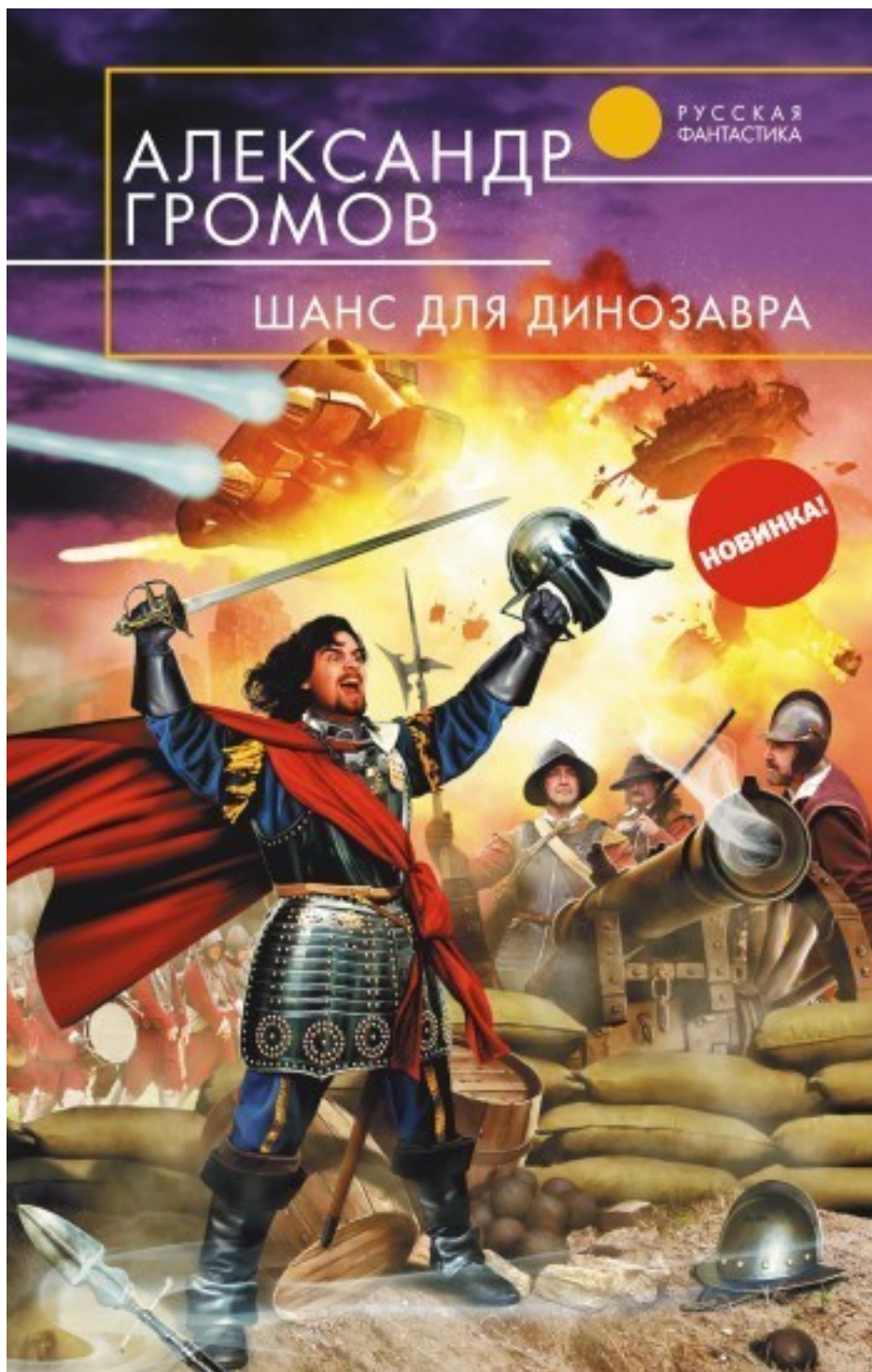

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ШАНС ДЛЯ ДИНОЗАВРА

НОВИНКА!

Александр Громов

Шанс для динозавра

«ЭКСМО»

2009

Громов А. Н.

Шанс для динозавра / А. Н. Громов — «Эксмо», 2009

Три космолетчика, три беглеца с Земли, три дезертира вырождающегося человечества, захлебнувшегося в скотском благополучии... И новый мир, мир позднего Средневековья на западный манер, мир бестолковой, кровавой, но многообещающей юности цивилизации. Можно ли позволить ей повторить ошибки землян, зная, куда они в конце концов приведут? И вот появляются три загадочные, внушающие трепет фигуры – князь, пророк и дьявол. Они не боги, а стрелочники. Им предстоит титаническая работа – перевести развитие юной цивилизации на иной путь. Но не все идет гладко, особенно когда тает доверие между единомышленниками...

© Громов А. Н., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Громов

Шанс для динозавра

Часть первая

Ветер с Севера

Глава 1

Невероятной мощи и черноты туча наконец-то перевалила через Холодный хребет и потекла вниз по склонам гор, клубясь и разрастаясь. Она смахивала на ужасное волшебное существо из древних легенд, тысячу лет просидевшее в глиняном кувшине, но выпущенное на волю каким-то простаком. Чего хочется такому существу? Ломать, крушить, бросаться в ярости на все, что можно разрушить, а потом, натешившись, распухнуть от горизонта до горизонта и утопить в себе весь мир.

Младший оруженосец спрыгнул с лошади, побежал, увязая в песке, вперед, к голове колонны, тронул княжеское стремя:

– Господин... Будет гроза.

Князь удостоил дерзкого лишь презрительным взглядом. Несмотря на далеко уже не юношеские годы и кряжистость, переходящую в тучность, князь был бодр телесно и не страдал слепотой. Всякому дураку ясно, что надвигается гроза. Может быть, буря. Брысь, щенок!

Оруженосец отстал. Князь тронул поводья, направляя мерина к видневшейся неподалеку куче валунов. За князем потянулась, изламываясь, вся колонна: гвардейцы в стальных нагрудниках, прикрытых от солнца белыми плащами с эмблемой княжества Унган, оруженосцы, слуги, погонщики выючных птиц... Чувя в воздухе недоброе, птицы сердито клекотали сквозь кожаные наклеюники.

Князь молчал. Он был скуп на слова. Слово князя – платина. Кому придет охота сорить платиновой монетой? Князь молчал, а мерин под ним, переступая копытами по горячему песку, нервно всхрапывал и косил глазом на затопившую север клубящуюся черноту.

Эта земля была ничейной. Ни один князь, герцог или маркграф не претендовал на нее. На что годятся отроги Пестрой пустыни, где ветер носит туда-сюда песок, без цели и смысла сгребая его в кривые сабли барханов? Где нет песка, там простираются каменные россыпи, калечащие ноги животных, а где нет ни песка, ни камней, лежит потрескавшаяся еще до Сошествия с Небес глина, обожженная солнцем до твердости черепицы. И будет лежать еще столетия, не меняясь и никого не радуя. Высохшие русла. Солончаки. Изредка – пучки жесткой травы, прозванной убийцей лошадей, и ломкий колючий кустарник.

Лет пятьдесят назад имперский канцлер Гугун Великий в своем необузданном стремлении расширить границы Империи до максимально возможных пределов задумал было брать пошлину с караванов, идущих транзитом через северный язык Пестрой пустыни, – и прогадал. Великий администратор совершил глупость, одну из немногих в своей долгой жизни. Несчастные мытари подышали на караванной тропе от жары и дурной воды, тщетно ожидая монет в свой и имперский карман, в то время как караванщики, обобранные раз-другой, просто-напросто изменили привычные маршруты. Пустыня велика, дорог в ней всем хватит, а к каждому колодцу стражу не приставишь. Попытка Гугуна создать «летучие отряды», экипированные по-пустынному, привела лишь к напрасным расходам. В конце концов имперские власти оставили караванщиков в покое. Пустыню тоже.

На что она? Кому от нее польза? В ней нечего делать ни землепашцам, ни скотоводам. Путникам она тоже не нужна. Путники лишь вынуждены ее терпеть.

Возле валунов князь бросил, не поворачивая головы:

– Малый шатер.

Понятливым слугам большего и не требовалось. Если разразится буря – а уже ясно, что она разразится, – то вбитые в песок колья мигом выдернет, а гоняться за унесенным шатром дело напрасное. Зато валуны останутся на месте в любую бурю, хоть привязывай к ним большой шатер. Но господин сказал «малый», значит, малый.

В большом шатре, поди, поместились бы все офицеры и половина рядовых... Однако кто ж осмелится оспорить решение господина? Князь Барини Первый, единовластный владыка княжества Унган, могуч не только телом, но и разумом. По Империи еще долго будут гулять легенды о том, как бродяга без роду, без племени явился в Унган с одной драной котомкой, одним ржавым палахом и десятком фанатичных горцев, нанялся на службу – и уже через десять лет стал основателем династии князей Унгана, при этом умудрившись не запятнать себя ни убийством, ни предательством. Воистину чудо господне... И не зря девиз князя Барини звучит так: «Господь выбирает достойнейших». В пределах бывшей Унганской марки, ставшей ныне княжеством, мало кто осмеливается усомниться в том, что князь и есть достойнейший.

В Империи о князе иное мнение. Там он проклят, отлучен от церкви и предан анафеме. Прежние унганские маркграфы исправно и по умеренным ценам поставляли Империи железо, селитру, шерсть, платили церковную десятину и по первому требованию выставляли пять тысяч латников. Владея золотыми и платиновыми россыпями в предгорьях Холодного хребта, Унган понемногу богател.

Теперь он стал богатеть быстро. Негодяй и святотатец Барини, декларируя на словах неизменную верность Империи, фактически отделил Унган. Пять лет он балансировал на грани, испытывая терпение имперских министров то ссылками на чуму и неурожай, то лукавой налоговой политикой, противной имперским законам, а то и прямым саботажем. Интриговал, уворачивался, не скупился на пустые обещания и дождался своего: после пяти лет игры в лояльность он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы публично изорвать имперскую грамоту и провозгласить Унган независимым.

Анафема последовала незамедлительно, однако интердикт не достиг цели, поскольку Барини не только объявил себя приверженцем учения пророка Гамы, но и снял часть налогового бремени со своих единоверцев. К таковым в самом скором времени примкнуло почти все население Унгана, исстари отличавшееся похвальным здравомыслием; попов же Барини без долгих разговоров выслал за пределы княжества – якобы для того, чтобы уберечь их от гнева обманутой ими паствы. Иерархов имперской Всеблаготворительной церкви – заточил, без сомнения намереваясь повести гнусный торг. Монастыри закрыл, конфискованные церковные земли частью взял в казну, частью поделил между своими приверженцами. Кое-что досталось и крестьянам, с животной радостью восславившим щедрого государя.

Словом, Барини был отступник, предатель, негодяй и святотатец, каких мало. Хуже того: он, несомненно, продал душу дьяволу! Как иначе объяснить, что небольшая армия Унгана не только вдребезги расколошматила прославленную имперскую пехоту и несокрушимую прежде тяжелую кавалерию, но и вторглась на имперскую территорию, пограбив подданных верного Империи герцога Марайского? И с тех пор герцог Марайский косит глазом, что твой жеребец, в сторону мятежного Унгана: стоит ли сохранять верность Империи, оказавшейся не столь уж несокрушимой? Или ветер задул в другую сторону?..

Слуги крепили отяжки шатра к валунам. Первые порывы горячего ветра уже стригли гребни песчаных волн, гнали песок понизу, как поземку. Солнце померкло, стало очень душно. Смирный мерин, самый рослый в Унгана, испуганно храпел под князем. Слуга держал животное под уздцы.

Потом другой слуга помог князю покинуть седло, и Барини скрылся в шатре, поманив за собой лишь начальника охраны. Поседевший в дюжине воин офицер с охотой повиновался. Остальные готовились встретить бурю, не имея над головой ничего. Повинуясь немногим опытным солдатам, знакомым с нравом пустыни, гвардейцы и слуги укладывали на песок лошадей и птиц, волокли под защиту валунов наиболее ценную поклажу. Спешили. Птицам вязали ноги, потому что птица – известная дура и в грозу может помчаться сломя голову, ошалев от страха и никого не слушая. Дура-то дура, а бегают, стерва, быстро и лягается не хуже лошади.

Одновременно с оглушительным раскатом грома взвилась стена песка и пыли, ударила с силой штормовой волны. Покатилась, брэнча застежкой, чья-то каска. Мгновение-другое, и хлынул ливень – стена ледяной воды. Людей, только что истекавших потом, мигом бросило в дрожь. Если бы раскаты грома не следовали один за другим, сквозь шум ливня удалось бы различить множественный зубовой стук. Днем в пустыне – мерзнуть! Несомненно, это были козни дьявола. Скверные места, очень скверные... Дьявол близко. Он живет в жерле огнедышащей горы Брумгрум всего в трех переходах отсюда. Оно, конечно, князю виднее, а долг солдата повиноваться, но как бы князю не пришлось пожалеть о решении идти через пустыню...

Начальник охраны, укрытый от стихии выгнувшимися стенками шатра, не вздрагивал от залпов небесных бомбард лишь потому, что ловил на себе внимательный и чуть ироничный взгляд Барини. Но счел нелишним кратко помолиться – беззвучно зашевелил губами, сложив ладони под подбородком.

– Боитесь, фьер Крегор? – насмешливо молвил князь, дождавшись конца молитвы.

Старый офицер вздрогнул. Кажется, князь усомнился в его храбрости?

– Я ничего на свете не боюсь, кроме дьявола, мой господин.

– А также кроме обыкновенной грозы?

– Нет, господин. Обыкновенной грозы я не боюсь. Я боюсь необыкновенной грозы. Где это видано, чтобы в Пестрой пустыне громыхали грозы и шли ливни?

Князь улыбнулся. Побелевшие от напряжения щрамы на лице старого воина, как видно, забавляли его.

– Представьте, видано. В ученом трактате магистра Ульгингума «О небесных феноменах, знамениях, дожде и засухе» описаны по меньшей мере пять случаев, когда северные бури прорывались через Холодный хребет и проливались ливнями в пустыне. Редкое явление не всегда дьявольское явление, фьер Крегор. Помните учение Гамы: враг рода человеческого чаще всего вредит людям незаметно. Взгляд в собственную душу есть лучшее средство от его козней, фьер Крегор.

Начальник охраны молча поклонился. Ясно было, что он не собирается спорить с пророком Гамой, но и не убежден словами князя. Улыбаясь, Барини продолжил:

– Когда в битве при Лейсе в ваше плечо вонзилась арбалетная стрела – это тоже произошло по воле дьявола? Не разумнее ли рассудить, что арбалет был в исправности, цель находилась на дистанции выстрела, а глаз стрелка был верен?

– Был бы он верен, так стрела угодила бы мне прямо в лоб, мой господин, – проворчал Крегор, соглашаясь и не соглашаясь с властителем.

– Тем более. А если я уроню на песок какой-нибудь предмет, да вот хотя бы мой кинжал, то кто заставит кинжал упасть – дьявол или обыкновенные свойства природы?

Крегор размышлял секунду, не более.

– Я всего лишь солдат, мой господин, – сказал он скучным голосом. – Свойства природы не по моей части. Пускай о них судят чернокнижники, что живут при дворе вашей светлости...

И осекся. Князь уже не улыбался. Князь был гневен. Не так уж часто Барини впадал в гнев, но в гневе бывал неистов.

– Ежовый мех! Сколько раз я просил – нет, требовал! – чтобы моих ученых не называли ни чародеями, ни колдунами, ни чернокнижниками! – медленно цедя каждое слово, произнес

князь. Зрачки его сузились. – Благодаря им мы одержали победу при Лейсе. Если бы не новые бомбарды, если бы не полк аркебузирова и, наконец, если бы не улучшенный порох, нас ждал бы скорый и беспощадный разгром. Молчите, фьер Крегор! Молчите и успокойтесь. – Князь, кажется, и сам успокаивался. – Я высоко ценю вашу доблесть. Я помню, как вы сражались при Лейсе. Вы и раненый не ушли с поля боя. Вы скорее позволили бы изрубить себя в капусту, чем отступили бы на шаг. И поверьте, вы были бы изрублены вместе со всей вашей рейтарской бригадой, да что там – со всей армией, если бы не бомбарды, не аркебузы, не порох! Вот вам и ученые, милейший фьер Крегор...

Начальник охраны вновь поклонился. Опять-таки было заметно, что со словами господина он согласен лишь отчасти. Ну, литейщики, пороховых дел мастера, рудознатцы всякие – это понятно... Но какие же они ученые? От них есть польза. Бомбарды Унгана – это да... Грохот такой, что душа, как мышь, норовит ушмыгнуть в любую норку. На имперскую армию новые бомбарды произвели неизгладимое впечатление, а лучшую имперскую панцирную конницу прямо-таки выкосили картечью почти под корень. Да и пехоте досталось, будут помнить! Самый тупой рубака уже сообразил: главная сила отныне не в его палаше – она в грохочущих бомбардах, она в вонючих аркебузах, плюющих свинцом. Наверняка порох выдуман по наущению дьявола, но до чего же он полезен в сражении! И бомбарды, новые легкие бомбарды на колесных лафетах вместо громоздких деревянных станков... Недаром князь, проезжая мимо опального Дагора, бросил с седла членам городского магистрата, молящим о милости на колених в дорожной пыли: «Сорок бомбард, десять тысяч ядер». Князь знает, чем брать виру за непослушание.

Авось умные головы, скажем, Гах или Вияр, сумеют сделать так, чтобы стволы бомбард никогда не разрывались при выстреле – калечат же своих... Но разве Гах и Вияр ученые? Они люди дела. Тахти – вот ученый. От него никакой пользы, если не считать трактатов, которые никто не читает. Никто, кроме князя... Но князь – это князь. Он мудр. Быть может, он даже понимает, что в тех трактатах написано...

– Вам, любезнейший фьер Крегор, должно быть известно, что за Холодным хребтом и Великими болотами лежит океан, – продолжал князь. – Дождевые тучи приходят оттуда. Почти всегда они изливаются на северные склоны Холодного хребта, но изредка особенно мощной туче удается перевалить через горы. А где ливень, там и грозы. И никакого дьявола. Понятно?

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – поклонился начальник охраны.

– Мне угодно поболтать с вами, фьер Крегор, – сказал князь. – Так редко выпадает эта возможность... Скажите-ка мне... – Барини помедлил, сомневаясь, как видно, стоит ли вести с солдатом разговоры на темы, не касающиеся жалованья, амуниции и фуража. – Вот что мне скажите... Если бы однажды вы увидели, как по небу с жутким грохотом летит огненный сгусток, оставляя позади себя огонь и дым, то что бы вы подумали?

Крегор суеверно поплевал через плечо.

– Я видел огненные сгустки, ваша светлость, – сказал он. – Это было у горы Брумгрум. Логово дьявола на вершине горы дымилось, и из него вылетали дьяволовы плевки. Я тридцать лет в строю, но не стыжусь признаться: меня обуял ужас. Я пал на колени и стал молиться, не зная, дойдет ли до всевышнего молитва солдата, пролившего слишком много крови. И, как назло, при мне в тот раз не оказалось ни священной реликвии, ни даже пузырька со святой водой...

– Я говорю не о том, – нетерпеливо перебил Барини. – Я говорю об огненном следе через все небо, от края и до края. Это тоже были бы дьяволовы плевки?

– Если только не сам дьявол, – убежденно сказал Крегор.

– Ну-ну... А если бы, допустим, огненный сгусток вонзился в землю, выбил бы в ней яму порядочной ширины и глубины, а потом оказалось, что на дне ямы лежит обыкновенная, ну разве что слегка оплавленная каменная глыба? Что бы вы подумали тогда?

Крегор пожал плечами, дивясь прихотливой мысли господина.

– Оно конечно... – протянул он, маясь и не зная, как ответить. – Говорят, от небесной тверди могут откалываться куски. Если так, то оно конечно... Ваша светлость совершенно правы. Но разве камни могут плавиться?

– Я вижу, вы недостаточно близко подходили к горе Брумгрум. Ну ладно. Допустим, на дне ямы, выбитой в земле пролетевшим по небу огненным сгустком, вы нашли бы не бессмысленный валун, а оплавленные куски некоего...

Он не договорил. Близкая молния ослепила даже сквозь полотняную стенку шатра. И сейчас же ударил гром – такой, что вздрогнул даже князь. Снаружи заголосили люди, истошно заржала лошадь.

– Прошу прощения, мой господин. – Крегор поднялся с подушек. – Кажется, что-то случилось.

– Ступайте, – кивнул Барини. – Успокойте людей.

Он знал, что не случилось ничего особенного – просто близкий удар молнии. Шагах в ста или даже ближе. «Не угодила бы следующая в шатер», – подумал он с легким беспокойством.

А еще он видел, что начальник охраны рад уклониться от люто непонятного ему разговора. Для него лучше стучать зубами под холодным ливнем, чем рассуждать о том, чего он не понимает и понимать не хочет. Храбрый солдат, толковый офицер, верный служака... И ни на грош больше. Надо было завести с ним разговор о конской упряжи, что ли. Либо о достоинствах новой системы залпового огня и о месте пикейщиков в строю аркебузирова...

Прогромыхало еще несколько раз. Затем дождь стал стихать, ветер тоже. Гроза смещалась к югу, оставив быстро впитывающиеся лужи. Очень скоро пустыня покроется цветами – низкорослыми алыми цветами, очень красивыми. Дня через три они превратятся в сухую труху, но дело свое сделают. И уже следующее поколение крошечных колючих семян будет ждать нового ливня... лет десять, не меньше. А может, и все сто.

Им легко. Они могут ждать. Они дождутся.

Барини вышел на воздух. Дождь прекратился, лишь на юге чернело и полыхало. Наветренная стенка шатра прогнулась, туда нанесло мокрый песчаный сугроб, и его уже разгребали слуги. Дрожащие от холода люди поднимались, отряхивая песок. Поднимали дрожащих животных и мокрых, негодующе клекочущих птиц, смотрели на юг, ждали, что вот-вот выглянет солнце.

Выглянет, куда оно денется. Через полчаса все, не исключая князя, вновь начнут проклинать чертову жару, песчаную поземку, несносно скрипящую на зубах пыль и обматывают тряпками лица. Путь недолог, но с Пестрой пустыней не шутят и на недолгом пути.

И солнце выглянуло – обыкновенное, желтое и поначалу даже ласковое. Солдаты сразу оживились. Один из них, мочащийся на песок, кричал весело: «Ка-ак она ударит, братцы! Я уж думал, конец мне. Волосами шлем приподняло, ей-ей, не вру! Не-ет, мимо. Вон куда она шарахнула, вон в тот бугор, промахнулась, значит...»

К притянувшему небесную стрелу песчаному пригорку никто не подошел – боялись. Остался на месте и князь, молчаливо рассудив, что и без того слывет не просто еретиком, но еретиком конченным, продавшим душу дьяволу за власть, богатство и удачу во всех начинаниях. Солдаты не обращают на это особого внимания, им лишь бы платили вовремя, а князь Барини платит вовремя и щедро. Но есть еще в Унгане бродячие попы, тайно пропагандирующие старую религию, и есть огромная темная крестьянская масса, охотно верящая кликушам в рясах. Крестьяне безопасны, пока сыты, но стоит посильнее придавить их налогами, как пожалуйте – бунт, а то и крестьянская война. С горожанами проще: верь во что твоей душе угодно, но под страхом порки и крупного штрафа не пропагандируй никаких религиозных доктрин, кроме учения пророка Гамы. А втихомолку можешь хихикать над этим учением сколько влезет.

Горожане благоразумны, если нет войны, голода и черного моря. Горожане богатеют на торговле и ремеслах. Ничего иного им не надо, ничто другое их не интересует... И штрафа они боятся, пожалуй, сильнее, чем порки.

И все же Барини не подошел к оставленной молнией отметине. Лет пятнадцать, даже десять назад – подошел бы непременно и вынул бы из песка сплавленный кусок мутного кварца, еще горячий, и отвез бы его в Марбакау. Отдал бы Тахти, пусть бы тот поломал умную свою голову... Или учредил бы музей феноменов природы – редкие самородки, чучела диких животных и гадов, уроды там всякие в банках...

Сейчас князь делал вид, что его нисколько не интересует такое заурядное явление, как близкий удар молнии.

Басовитый рокот внезапно перекрыл ворчание тучи. Кто-то вскрикнул. Кто-то упал лицом в песок. По синему очистившемуся небу летел огненный сгусток, и тянулся за ним хвост из огня и дыма. Солдаты и слуги завопили сразу в несколько ртов. Двое или трое с воем побежали к валунам – прятаться. Многие попадали ничком. Один лишь капрал Думба, здоровенный детина, лишенный не только страха, но и малейшего намека на воображение, сорвал со спины арбалет и, припав на колено, выцеливал огненное чудо – то ли сказочного дракона, то ли и впрямь самого дьявола.

Барини остался стоять, скрестив на мощной груди толстые руки, и молча смотрел, как огненный сгусток чертит небо. Его мясистое лицо осталось бесстрастным. Рокот перешел в невыносимый рев. Думба пустил стрелу и, поняв, что промазал, вновь потянул рычагом тетиву. Грохочущий ком огня прочертил небо и скрылся за туманными горами на северо-востоке. В небе остался лишь грязно-бурый дымный след. Медленно расширяясь и искривляясь, он поплыл на юг вслед уходящей туче.

«Ну вот, – подумал князь, вспомнив разговор с начальником охраны, – накаркал».

А вслух сказал Крегору, уговорами и пинками поднимавшему с песка робких духом: – Поторопи их. Время дорого.

Крегор напустился на медлительных. Скорее, бездельники! Шевелитесь, дармоеды! Князь милостив, но ждать ой как не любит. Живо собирайтесь, отродье висельников! Веселее, ребяташки, дети мои! Чего испугались? Где твоя каска? Унесло? Почему не нашел? Вычту из жалованья в двойном размере, так и знай. Не напасешься на вас, разгильдяев... Эй, Думба, подбодри-ка их! Живее!

Кое-кого Думбе пришлось подбодрить зуботычиной. Капрала гвардейцы, конечно, ненавидели – да и в какой армии солдаты любят капралов? – и боялись его, а теперь станут бояться еще больше. Начнут шептаться: «Слыхал уже? Он пустил стрелу в самого дьявола! Вот отчаянный!» И будут с ужасом и восхищением цокать языками, и обязательно выдумают новые подробности, да такие, что в Империи человек двадцать написали бы доносы на бедного Думбу и предстал бы он в самом скором времени перед церковными дознавателями – на коленях, со скрученными за спиной руками... Откуда им знать, с усмешкой подумал Барини, что дьявол не летает по небу с дымом и грохотом. Дьявол рассекает воздух либо со слабым шелестящим свистом, либо вообще бесшумно. Не любит он сверхзвука, да и нужды в нем не видит...

Барини сам вскарабкался в седло, юный оруженосец лишь подержал стремя. С каждым годом князь становился дороднее. Он и сам знал, что в боевом панцире уже вряд ли сумел бы сесть на коня без посторонней помощи. Зато по-прежнему мог остановить, ухватившись за колесо, запряженную четверкой лошадей карету, мчащуюся во весь опор, и без помощи колена, одними руками в грубых рукавицах ломал палаш имперского рейтара. Гнул и разгибал кочерги, сворачивал трубочкой имперский золотой, пробивал ударом кулака доски в четыре пальца толщиной... Удивлял, словом. А множество молодых дураков – восхищал. И отбирал лучших, и заботился о них, и вел их на противника, и они творили чудеса...

А лучших из лучших – возвышал. Малограмотному, зато отличившемуся в походе бывшему пекарю, сапожнику, трактирному слуге, подмастерью мог пожаловать дворянство и назначить на командную должность в обход титулованной знати. Смягчил телесные наказания для солдат. Смертную казнь за мародерство, трусость и дезертирство, впрочем, оставил...

И войско боготворило князя Барини, первого после четырехсот лет имперского ига властителя независимого Унгана. Но с ревом пронесшийся по небу извечный враг рода человеческого – это серьезно... А если не дьявол это был, то кто же тогда? Или что же? Если знамение господне, то надо быть полным кретином, чтобы не понять: знамение-то грозное! А что князь?.. Спокоен. Направил коня шагом к дальним горам, как будто ничего не случилось, не обернулся даже посмотреть, следует ли за ним охрана...

Слуги, крича друг на друга, распутывали веревки, связывающие выючных птиц. Взлетевшие в седла гвардейцы угрюмо последовали за князем. Иные суеверно скрещивали пальцы. Само собой, никто из охраны князя никогда не дерзнул бы указать господину на опрометчивость его поступков. В Унгане даже детям известно, что князь Барини на редкость везуч. Сколько раз он действовал вопреки мнению советников, обрекая себя на верную, казалось бы, гибель, а княжество на разорение, – и тем не менее всегда выходил победителем! Он мудр, хотя по его виду не всегда это скажешь. И он непостижим. Наверное, он действительно избран господом...

К закату одолели две трети пути до гор. В облюбованном для бивака месте глинистое русло обычно сухого, но сегодня весело журчащего, мутного от глины ручья изгибалось петлей, делая невозможным внезапное нападение с трех сторон. Горы были близко. Опасно близко. Бесшумно снять часовых и вырезать сонный лагерь – рискованная, но небезнадежная затея. Пусть даже ближние горские кланы считаются дружественными или нейтральными – вероломство сойдет у них за доблесть, а добыча оправдывает риск. Разве можно верить горцу, если ты не одного с ним клана?

Спали вполглаза, а утром чуть свет тронулись в путь. Барханы уступили место камню, и выючные птицы сразу заклекотали – их мощным мозолистым ногам больше подходил песок. Горный кряж надвинулся, заслонив четверть неба. Проплыла слева одинокая скала непристойной формы, располагающей к солдатским шуточкам. И открылся проход.

Младший оруженосец спешил, достиг бегом княжеского мерина, тронул за стремя:

– Господин... Там, наверное, засада.

На мясистом лице князя отразился доброжелательный интерес.

– Почему ты так думаешь?

– Мне показалось... я видел шапки горцев. – От волнения оруженосец судорожно облизнулся. – Вон там, на скалах над проходом...

– Правда? – улыбнулся князь. – Так ты точно видел или показалось?

– К-кажется, в-видел, – заикаясь, пролепетал оруженосец.

– А если я пошлю тебя проверить, есть там засада или нет? – молвил князь, продолжая одаривать юношу добрым взглядом, способным обмануть лишь того, кто плохо знал Барини. – Если я пошлю тебя во главе десятка солдат или даже одного, ты повинешься мне?

– Повиноваться мой долг! – выпалил юнец, слегка побледнев.

Затем он покраснел. Князь смотрел на него с удовольствием. Не убьют, так лет через пять станет хорошим воином. К сожалению, только воином...

– Останешься при мне. – Барини грузно повернулся к подъехавшему начальнику охраны. – Гвардейцев в обход. Горцев разогнать. Взять пленных.

Крегор поднял седую бровь. Потом обе.

– Ваша светлость... как же в обход? Где тут обход? – Он заморгал, чувствуя, что сильно проиграл во мнении господина. – Слушаюсь...

Барини указал рукой.

– Вон там за горой есть ущелье, проходимое для конницы. Если скакать во весь опор, горцы не успеют отступить. Широкая тропа выведет прямо на скалы над проходом. На тропе возможен заслон, вы его сомнете. Противник уже у вас в кулаке, фьер Крегор, ну так сожмите его.

Половина конников унеслась за Крегором. Князь ждал, неодобрительно поглядывая на свою укорачивающуюся тень. Князю было жарко. Князь потел. Потели все, а некоторые поглядывали на молодого оруженосца со злобой. Одному дураку померещится, а всем страдать...

Ждать пришлось долго. Потом издали долетели едва слышные крики, и, кажется, что-то посыпалось с утесов. Или кто-то.

На взмыленной лошади прискакал Крегор, доложил: дорога свободна. Да, была засада. Восемнадцать горцев из клана Шусси, все с луками. Семнадцать изрублены либо сброшены со скал, один взят в плен. Свои потери: двое ранены да есть оцарапанные, застрелена одна лошадь.

– Пленного сейчас доставят, мой господин.

Барини сморгнул. С век на скулы соскользнули две мутные капли пота.

– Пусть догоняют. Едем в тень.

В тени скалы к нему подвели пленного – избитого мальчишку лет пятнадцати со связанными за спиной руками.

– Хочешь жить? – спросил его князь.

Мальчишка молчал. С лицом, начавшим опухать, с разбитыми губами и расквашенным носом, пленный пытался сохранить достоинство, как он понимал его: с ненавистью глядел на Барини и скалил подпиленные по горскому обычаю зубы. Волчонок. Гроза овец.

– Значит, ты не хочешь жить? – спросил князь.

Мальчишка молчал. Князь развел руками.

– Ну, дело твое... Семнадцать убитых или восемнадцать – скажи, пожалуйста, какая мне разница? Попытка нападения на пилигримов, идущих к святому Гаме, – это не прощается, ты должен знать. Ежовый мех! Клан Шусси невелик, а теперь, когда обо всем узнают другие кланы, вам понадобится каждый воин. Боюсь, твоему клану придется туго, он теперь вне закона...

Мальчишка сверкнул глазами и промолчал.

– Не желаешь разговаривать со мной? – усмехнулся Барини. – Признаюсь, мне также не доставляет удовольствия беседа с разбойником... таким неумелым. Поэтому скажи мне только одно: почему клан Шусси пытался устроить мне западню? Скажи правду, и я отпущу тебя. Даю слово.

На сей раз Крегор, снявший с головы шлем, чтобы лучше слышать, хорошо понимал мысли господина. Клан Шусси не посмел бы шалить на дороге, ведущей в горную обитель пророка Гамы, да и никакой клан не посмел бы здесь шалить. Ясно как день: горцам обещали заплатить за голову князя Барини, и притом заплатить столько, что у грабителей – а какой горец не грабитель? – глаза на лоб полезли. Вожди клана, разумеется, не устояли перед соблазном обрести богатство немедленно, а не когда-нибудь потом, в следующей жизни. Кто заказал убийство, тоже не тайна. В Империи спят и видят, как бы вновь прибрать к рукам Унгана. Но откуда горцы могли знать, что князь собрался поклониться Гаме? Вплоть до границ Унгана в цель путешествия были посвящены немногие...

Значит, предатель. Еще один предатель в ближайшем окружении князя. Через перевалы Малого хребта путь в горы неблизкий, но все же короче, чем в обход, через язык Пестрой пустыни. А еще есть почтовые нетопыри... Горцы были извещены загодя и ждали.

Крегор ощутил неприятный холодок. Имперских агентов и своих предателей Барини казнил более или менее мучительно, смотря по занимаемому ими посту и нанесенному ущербу. Случалось, заменял сажание на кол, сдирание кожи или костер обыкновенным повешением за шею. Но казнил всегда, ибо пророк Гама учит, что предательство – худшее из злодеяний.

Но кто предатель? Князь все понял. Князь ничего не скажет, но начнет негласный розыск. Под навет могут попасть невинные. Правда, Барини предпочитает десять раз подумать, прежде чем совершить что-нибудь необратимое, но ведь он только князь, а не святой... Могут полететь головы. Пресветлый Гама, не дай гневу его светлости затмить ясный разум! Господи, заступись за невинных перед государем, помоги им!..

Мальчишка вдруг оскалился, выкрикнул шипящее оскорбление и плюнул, целясь в князя. Не попал, рванулся вперед, забарахтался в цепких солдатских руках. Крегор творил молчаливую молитву. Боже, сделай так, чтобы князь велел пытать этого звереныша! Пусть его милость выйдет из себя и прикажет Думбе ломать гаденышу кость за костью до тех пор, пока тот не заговорит! Но вряд ли... Единовластный владыка Унгана знаменит на весь мир выдержкой и отвращением к чрезмерной жестокости. Истинный последователь Гамы не заставит пленного выть от боли, выхаркивая вместе с кровью бессвязные, но такие ценные слова...

Так и вышло.

– Этого – за разбой и святотатство – удавить, – приказал князь. – И в путь, дети мои, в путь!

Глава 2

В пещере было сухо, потрескивали горящие свечи. Обыкновенных паломников Гама принимал на лужайке перед обширной дырой в меловой скале, куда мог бы въехать и всадник, если бы только посмел. Но князь Барини, конечно же, заслуживал большего внимания святого человека. Хотя и Барини оставил коня и всю свиту внизу. Расположившись на опушке горного леса у подножия Святой лесницы, солдаты кутались в плащи возле экономных костров, шепотом проклиная паломников, что за двадцать лет перевели в лесу весь сухостой. Шепотом же обсуждали таинственные свойства этого места, благословленного, по слухам, самим Гамой. За лошадьми и оробевшими в непривычных для них горах, а потому очень тихими выючными птицами приглядывали вполглаза: всякий знал, что Гама проклял и изгнал отсюда летучих крыс-вампиров, а что до горцев, то даже самый дикий из них не осмелится ни напасть здесь, ни угнать лошадь. Напротив, горцы с великим удовольствием проломают череп вору-святотатцу и поделят между собой его имущество. Здесь земля Гамы. Он все видит, все слышит. Одним сказанным вполголоса словом он может изменить судьбу человека.

По Святой лестнице, выбитой в скале неведомо кем и когда, полагалось подниматься пешком и поодиночке. О ней тоже шептались, передавая друг другу легенду о том, что давным-давно в этих краях жило племя оборотней, похищавших младенцев в горских селениях; когда же горцы в отместку нападали на разбойное гнездо, убивая по пути всех зверей без разбора, чтобы не дать уйти ни одному оборотню, враг отступал – нет, убежал! – вверх по этой узкой лестнице, и глуп был тот, кто преследовал их. Летящие сверху валуны сметали преследователей. (В подтверждение своих слов рассказчики указывали на валяющиеся повсюду камни и попорченные там и сям ступени.) В конце концов пророк Гама истребил дьяволово отродье, изгнал поселившихся в скалах злых духов, очистил лестницу от древних проклятий и поселился на самом верху, куда нет хода человеку с дурными помыслами и бездельными просьбами. Там, в своей пещере, он беседует с богом. Мало кто входил в пещеру. Князь входил, но разве у него спросишь, каково там? Рассказывают всякое: и то, что стены пещеры отделаны платиной, золотом и драгоценными камнями размером с лошадиную голову, и вовсе обратное: скромное, даже очень скромное жилище отшельника. Широко известно, что богатые дары Гама ласково, но твердо отсылает назад, принимая от паломников лишь скромную пищу да старые книги. Иногда еще свечи и грубую ткань на одежду. Возможно, он богаче всех королей, а возможно, богатство интересует его не больше, чем полет мухи над помойкой. Так или иначе, могущество Гамы велико, и последнему дураку ясно, что ни золото, ни камни тут ни при чем.

Рассказывают также, что человека с черным сердцем и дурными намерениями на Святой лестнице ждет страшное. Нет, уже не падающие камни, а нечто худшее и, главное, непостижимое. Сама лестница может сбросить негодяя в пропасть. Из скалы с ревом вырвется фонтан всежигающего пламени. Некоторым грабителям, соблазненным выдумками о несметных сокровищах, будто бы везло больше, чем сожженным заживо и разбившимся в брызги: задолго до конца подъема они просто умирали непонятно отчего – засыпали на ходу, ложились на каменные ступени и уже не просыпались никогда. И это пугало сильнее огня и высоты.

О князе у костров не говорили, но все видели редкое зрелище: спешившийся Барини поднимался по лестнице, один, без провожатых, и на княжью спину давил тяжелый заплечный мешок с дарами. Несмотря на грузность и годы, князь оставался силен, как встарь, и взбирался без отдыха, пока не исчез за поворотом скалы. Потом – лишь потом, после возвращения в Марбакау – очевидцы растрезвонят повсюду о недюжинной силе и благочестии князя. И пойдут разговоры за дубовыми столами в трактирах близ казарм: «Знаешь, что я тебе скажу, приятель? Благочестие – это, конечно, богоугодно, ну и смирение тоже, и за князя нашего мы молиться должны, а только как бы не заплакать нам горькими слезами...» – «Что-о? Повтори! Что ты

сейчас сказал?!» – «А то и сказал, что нечего нам ждать, когда имперские дерьмоеды прочухаются да соберутся с силами. Пора, пора самим начать, не то дождемся пирогов с требухой... Дураков-то и в алтаре бьют». – «А-а, так бы сразу и говорил, а то я уж подумал, что ты против нашего князя...» – «А ты меньше думай – надорвешься. Лучше вот что прикинь: зачем наш князь ездил к святому Гаме, а? Скоро начнется потеха, вот увидишь. Да и давно пора...»

И то верно: при всем благочестии Барини не решился бы в такое беспокойное время оставить Унган почти на три недели ради заурядного паломничества. Это понимали умные люди в Марбакау. Понимали старейшины опального Дагора. И уж подавно это понимали в Империи. События близки. Они надвигаются. Их время придет очень скоро.

Война.

Достигнув лужайки перед пещерой, запыхавшийся Барини постоял в хорошо известном ему месте, чтобы наверняка сработал емкостной датчик. Хотя встреча была оговорена заранее, не стоило провоцировать святого отшельника. Подходы к его жилищу защищены не только жутковатыми легендами, но и кой-чем посерьезнее, да и сам Гама может перенервничать, а глаз у него по-прежнему верный.

Гама не вышел навстречу. Он ждал князя в малом зале за первым поворотом – высокий, костистый, седовласый. Властный старик в белой хламиде, умеющий, когда надо, быть и ласковым. Умеющий быть и не стариком. На грубо сколоченном столе перед ним имелся глиняный кувшин – по всему видно, с его любимой сливянкой, вымороженной на леднике. По столу были разбросаны крошки сыра.

– Видел? – спросил он вместо приветствия.

– Видел, – кивнул Барини, снимая с плеч мешок. – Это точно был «Пилигрим»?

– А что же еще?

– Связь проверял?

– Конечно. Глухо. Что сгорело, то не отзовется.

– Он горел и не разваливался, – сказал Барини. – Ровно так горел, как большой прочный метеорит. Я почему и подумал, что это, может быть, еще не «Пилигрим».

– Он начал распадаться на куски позже, уже по ту сторону хребта, – пояснил Гама. – Ты просто не видел.

– А-а. А куда он упал?

– Думаю, в океан или в тундру. Лучше бы в океан.

– Какая разница, – сказал Барини, рукавом утирая багровый лоб. – Все равно в тундре никого нет.

– Цивилизации нет, а люди есть, – возразил Гама. – Мало, но есть. Нищие кочевники, жалкий народец.

– Ты пророк, тебе положено думать о людях. – Барини поискал глазами по сторонам, нашел деревянный чурбак, подкатил к столу, сел. – А у меня, извини, заботы государственные.

– У нас с тобой одна забота.

Барини пожал плечами – мол, старый и бессмысленный спор. Цель вроде ясна, программа действий намечена и выполняется... вот касательно методов ее выполнения, как всегда, нет единодушия.

– Отто уже здесь? – спросил он.

– Передал, что летит. Вот-вот будет.

– Скажи ему, что у меня внизу свита. Не надо ее пугать.

– Он знает. Он через черный ход.

«Через который?» – хотелось спросить Барини, но он смолчал. Пещера Гамы была велика, она пронзала меловую гору множеством ходов, туннелей и колодцев. Естественный выход из нее, был, правда, только один. С помощью портативного «крота», ныне вышедшего

из строя и валяющегося в дальнем углу железным хламом, Гама еще в первые годы отшельничества пробил еще два – на всякий случай. Два ли? Можно спросить, но ведь не скажет...

Нет полного доверия, того, что было раньше. Уже нет. Те, кто уверяет, будто нельзя доверять частично, – поэты либо максималисты. Любой политик знает: еще как можно. Этому доверил бы кошелек, но не жизнь, потому что он труслив, хоть и хорохорится, но честен. А этому – жизнь, но не кошелек, потому что он храбр, но глуп и алчен. Единицам можно доверить государственную тайну. И никому – свои тайные мысли.

– Пьешь? – спросил Барини, показав глазами на кувшин.

– Употребляю. – Гама и в самом деле не выглядел нагруженным. – Тебе налить? Устроим поминки по «Пилигриму».

– Налей.

Гама поискал под собой, добыл две глиняные кружки, протер их обода рукавом, со стуком водрузил на стол и плеснул в обе.

– А сыр я весь съел, извини. Есть лепешки, только черствые. И комбикорм из синтезатора.

– Я не голоден. – Барини поднял кружку. Принюхался: пахло неплохо. – Ну... светлая память «Пилигриму». Хороший был корабль.

– Не мог же он вечно болтаться на орбите, – промолвил Гама. Будто извинялся.

Выпили.

Да, подумал Барини, теперь у местных не будет над головой Летящей звезды. Или дьявольской звезды. А может, ангельской. Имперская церковь так и не успела выработать свое окончательное отношение к ней. Многих она пугала, многих притягивала, а удивляла всех, даже самых тупых. Даже крестьян, если те в своих каторжных буднях могли иногда взглянуть, пусть случайно, на звездное небо. А в городах, оплотах вольнодумства, ее в последние годы стали называть звездой Влюбленных.

Кончилась звезда. Упала и сгорела. То, что уцелело, рассыпалось дождем оплавленных обломков неведомо где. И очень хорошо, что далеко от густонаселенной части планеты. Пройдут века, прежде чем аборигены узнают, что такое радиоактивное заражение местности. Или даже тысячелетия, если все пойдет по плану.

– Я тебе книг принес, – сказал Барини, указав глазами на мешок.

– Что-то интересное? – Гама немного оживился.

– Да как сказать... «Опыты сомнения» Пурсала Ар-Магорского, три трактата по медицине и алхимии, одна из них пера знаменитого Фратти, вторая книга «Размышлений о феноменах натуры» Тахти Марбакауского, «Новейшие наставления по тактике осады и обороны крепостей» маршала Глагра... кажется, больше ничего интересного. И еще пуда два богословских трактатов.

– Это для тебя они неинтересны, – уточнил Гама, – а мне как раз по специальности. Я потом посмотрю. Очень тебе признателен.

Князь пожал плечами. В прежние годы Гама рысцой кинулся бы к книгам. Теперь – сидит, потягивая сливянку. Обленился?

Нет. Устал. За двадцать лет немудрено устать. Ожидание – тяжелый труд.

И можно ждать и ждать, ждать и ждать, вымотать себя до предела нескончаемым ожиданием начала – и так и не начать.

Смешно до слез. Ну так посмейтесь же, люди, над слезами! Над слезами бестолковых робких глупцов! И над самими глупцами, конечно, – они того стоят!

– Одна из этих богословских книг, – веско сказал Барини, – напечатана типографским способом.

Глаза святого человека округлились, как у совы.

– Ну? – сказал он с испугом и восхищением. – Где?

– В Ар-Магоре. Первый и пока единственный печатный станок. Кстати, качество печати очень приличное. Показать?

– И так верю... Погоди... Это не Отто?

Барини грузно заворочался, но ничего не уловил – ни звука шагов, ни какого-либо индикатора, возвещавшего о прибытии славного парня Отто, самого ужасного существа для трех четвертей населения этой планеты. И тем не менее через минуту из глубины пещеры возник Отто – средний рост, легкий крадущийся шаг, орлиный нос на смуглом лице, мефистофельская бородка... В прежние времена местный люд намыслил себе совершенно иного дьявола – отвратительным хрякоподобным уродом изображался он на храмовых фресках, и какой-нибудь святой непременно попирали его ногой и пронзал либо расчленял тем или иным оружием. За двадцать лет деятельность Отто в роли нечистого изменила образ врага рода человеческого в представлении как попов, так и мирян: теперь он был худ, жилист, имел загнутый крючком нос, козлиную бородку и стал, конечно, еще более опасен. Да так, в общем, и было.

Двадцать лет назад при распределении ролей Отто совсем не хотел себе такой работы: «Ну какой из меня дьявол? Рехнулись, что ли?» Потом, кажется, начал находить удовольствие в новом амплуа. Потом привык.

– Силам Света – мое почтение! – отвесил он шутовской поклон.

– Как ты? – спросил Барини.

– Как обычно, – ухмыльнулся Отто. – Что с дьяволом станется? Он вечен. Пугаю обывателей, гоняю дур, мечтающих сделаться ведьмами, организую грозные знамения, порчу скотину, насылаю мор, глумлюсь над благочестием мирных поселян, воняю серой... – Он всохотнул.

А похож... Немецкие корни и смуглая кожа, доставшаяся в наследство от матери-турчанки, – кому же еще быть дьяволом? И наплевать на то, что в мифологии аборигенов нечистый совершенно не походил на Мефистофеля. Аборигены тоже привыкнули. Они уже привыкли.

– А если не дура, а умная захочет стать ведьмой?

– От таких я сам бегу, – сказал Отто, чуть-чуть запнувшись. («Ага», – подумал Барини.)

– Да! В пределах твоего Унгана не появляюсь, как договорились. За исключением сам знаешь каких случаев.

– Попробовал бы ты...

– А что? – Дьявол преобразился, в темных глазах мелькнуло любопытство. – Собыешь? У тебя уже есть зенитные бомбарды?

– Понадобятся – сделаем, не велика премудрость. Шутник.

– Что это у вас? – спросил Отто, поводя носом. – Никак тризна по сгоревшему «Пилигриму»?

– Видел? – спросил Гама.

– Видел и проводил до места падения. Что не сгорело, то свалилось в океан. Меньше заботы.

Он тоже подкатил к столу чурбачок, сел и стал глотать вино прямо из кувшина.

– Э-эй! – потянулся к нему Гама.

Барини молча отстранил его руку. Пусть нечистый промочит горло. Тризна так тризна. Отто ни за что не признается, как ему тошно, для этого он слишком хорошо вошел в роль. Да и никто не признается, никто не станет произносить ненужных слов. Однако каждому ясно: сегодня перейден некий водораздел.

Пусть кажущийся. Скользящий над планетой «Пилигрим» с самого начала был лишь иллюзией, последним вещественным аргументом, связывающим трех человек с ТЕМ миром бесполезной уже пуповиной. Чудо, что на остатках топлива удалось доковылять до этой планеты. Один шанс на тысячу. Да и с топливом «Пилигрим» уже никак не мог вернуться на Землю. Судьба его была ясна: в течение нескольких лет кружиться вокруг планеты, понемногу меняя орбиту под воздействием солнечного ветра, рано или поздно начать эффективно тор-

мозиться в атмосфере и в конце концов сгореть при входе в плотные слои, как горит в них любой неуправляемый кусок металла. Зато горючего к флаеру хватало с избытком. Его запасы и все, что можно было перевезти на поверхность планеты, давно уже было перевезено. Теперь флаером владел Отто, ибо дьявол должен быть вездесущ, а к пророку люди придут и сами. Князю же, как человеку публичному, пристойны совсем другие транспортные средства.

Однако на орбиту уже не слетаешь. Не взглянешь на планету свысока, не зажмуришься от колючего света звезд, собранных в чужие созвездия. Конечно, флаер может выйти в ближний космос, но что теперь там делать? «Пилигрима» больше нет. Кончено. Отрезано.

Отто наконец оторвался от кувшина. По мексиканской бородке стекало густое вино. Глаза, однако, не обесмыслились – просто стали человеческими.

– Закуски хотите? – спросил он. – У меня во флаере есть, могу сходить.

– Позже, – отозвался Барини. – И хватит пить. Пока мы еще трезвые...

– С этой жижицы разве окосеешь? – презрительно сказал Отто. – Слабенький компотик.

Сколько в нем – градусов двадцать?

Гама пожал плечами:

– Пожалуй, все двадцать пять. Вымороженное все-таки.

– В Ар-Магоре Фратти-алхимик спирт гонит. Сам, правда, не пьет и больным внутрь не дает, а язвы лечит и гнид морит.

– Ну, – сказал Барини. – Уже и спирт? Заметьте, коллеги: спирт, печатный станок... Это тенденция. Давно ты был в Ар-Магоре?

– Вчера ночевал там, – ответил Отто.

– И не страшно?

– Чего?

– Поймают – сожгут. Мы можем не успеть помочь.

– Чушь! – Отто скривил пренебрежительную гримасу. – Фратти-алхимика, может, и сожгут. Юродивого дурака поймают – сожгут тоже. За то, что я в него вселился, ха-ха. Ведьм чуть не каждую неделю жгут, но я-то разве ведьма? Кто доказал сгораемость дьявола? Да это самая настоящая ересь, если хочешь знать!

Барини сам не заметил, как стиснулись кулаки. Зря Отто напомнил о сожженных ведьмах. История годичной давности до сих пор сидела болезненной занозой. Казалось бы: рассадил по тюрьмам иерархов Всеблаготворительной церкви, выгнал попов, всячески благоволил служителям нового культа... И вот – на тебе смачную плюху, благовоитель! Ревностные поборники учения пророка Гамы – синтетической религии, впитавшей многое от буддизма и конфуцианства, а потому вроде бы незлобивой, – сожгли на главной площади Дагора ведьму пяти лет от роду – слабоумную нищенку, золотушную девчонку, страдающую падучей. Получив известие о приговоре, уже утвержденном магистратом, Барини взбесился. Никто до того дня не видел прославленного мудростью князя в столь дикой ярости. Во главе поднятого по тревоге рейтарского полка он помчался в Дагор – и, опоздав, выместил на несчастных горожан свою злобу. Рейтары потешились вволю, их кони скользили на щедро политых кровью городских мостовых. Членов суда, приговорившего девчонку к костру, а с ними добрую половину городских старейшин Барини повесил, после чего остыл, устыдился и позволил депутации раболепствующих горожан уговорить себя сменить гнев на милость. Милость, впрочем, вышла относительная: князь лишил Дагор всех прежних вольностей, содрал с магистрата огромную пеню и дал горожанам в правители бургграфа Пру, мужа честного, умом недалекого и скорого на расправу.

А заноза осталась, и бессильный зубовой скрежет – тоже.

Дело не в религии... Нет, не только в религии. И не в том, что пройдет несколько поколений, прежде чем люди по-настоящему поймут новое учение и проникнутся им... Барини понимал, что дело в нем самом. Не выдержал. Не стерпел. Умудрился не окончательно очерстветь сердцем. Как будто его цель состоит в том, чтобы спасти людей! Глупости. Настоящая

цель в том, чтобы спасти человечество этой планеты от того, к чему стремится любой из этих людей, как к недостижимой цели... спасти человечество от самой светлой его мечты...

Если узнают, если поверят – в лучшем случае взденут князя на копья, да и пророка тоже. И будут по-своему правы.

Он заметил, что пророк и дьявол молчат, вопросительно глядя на него. Зачем, мол, предложил собраться вместе? Неужто не хватило бы общения по визору?

Не хватило бы.

– Пора начинать, – рубанул Барини напрямик. – Я приехал за благословением, мои люди должны знать, что сам пророк Гама одобряет наш поход. Это первое. Мы должны договориться о точном согласовании наших действий. Это второе. Хватит уклоняться! – Князь в раздражении стукнул кулаком по столу. – Ежовый мех, пора, наконец, решиться! Печатный станок! Зародыши мануфактур! Ткацкие станки с приводом от водяного колеса! Куда уж больше? Пора, давно пора начать! Когда, если не сейчас? Никогда?

Отто молчал, изучая потолок.

– У тебя, конечно, уже готов план кампании? – спросил Гама.

– Разумеется. Военные действия начнутся за две-три недели до сбора урожая. Первым падет герцогство Марайское. Если я сумею потратить на него десять-двенадцать дней вместо ожидаемых Империей двух месяцев, я выиграю войну. А я сумею! Расколошматить армию герцога в открытом сражении – пара пустяков. А против крепостей и замков у меня есть бомбарды. Есть также горожане, среди которых мои агенты десять лет ведут работу. Я уже не говорю о крестьянах, только и мечтающих сбежать от тамошних баронов в мой Унган.

– Допустим, – сказал Гама. – А что потом? Двинешь войска на Юдонское маркграфство? На княжество Габас? Или сразу на герцогство Бамбр?

– На Ар-Магор, – сказал Барини.

Пророк и дьявол переглянулись.

– Ты с ума сошел, – молвил нечистый.

– Я в своем уме. – Барини усмехнулся. – Я хочу успеть увидеть дело рук своих. Ну и ваших, само собой... Дело-то общее. Мы двадцать лет ждали этого. Мне пятьдесят пять, хотя мои подданные думают, что не больше сорока. Вам не меньше. Сколько нам осталось? На Земле мы прожили бы еще лет сто, а здесь проживем вдвое меньше, да и то если повезет. Кто продолжит наше дело после нас? Тупые исполнители при корыстных предводителях. Вы это знаете. Я никого не учу, я просто хочу напомнить: мы работали двадцать лет, чтобы однажды начать. Я уверен: пришло время. Сейчас Империя слаба, но она будет усиливаться. Она уже усиливается: крадет военные секреты, перенимает тактику, умножает войско... Пройдет немного времени, и она сама начнет войну против меня. Я не хочу ждать и не буду. Сейчас или никогда. Я возьму Ар-Магор. Я разнесу его стены. Потом несколько выигранных сражений – и кончено дело. Через два года вся Империя примет учение Гамы.

Он замолчал, отдуваясь.

– И ты станешь новым императором? – полюбопытствовал дьявол.

– Там посмотрим. А почему бы, собственно, и нет?

– Игрок, – сказал Гама, качая головой. – Раз – и все на кон. Ва-банк. В казино таких любят.

– Нерискующий не выигрывает, – отрезал Барини. – Можешь не сомневаться, я и сам желал бы продвигаться тихой сапой. Не получается. Надо рискнуть. Восемьдесят процентов против двадцати. Это сейчас. Если будем ждать, то через пять лет, много через десять Империя меня раздавит, и что тогда? Начинай все сначала?

– Не хотелось бы действовать опрометчиво, – проговорил враг рода человеческого.

Барини вспыхнул.

– А мне не хотелось бы видеть своих друзей, не решающихся начать! – закричал он. – Двадцать лет! Двадцать лет подготовки! Для чего? Чтобы привыкнуть к нескончаемой этой подготовке? Чтобы никогда не перейти к главному делу? Чтобы всю жизнь промечтать о чем-то, да так и помереть с неосуществившейся мечтой? Это мы могли сделать и дома.

– Чтобы повысить наши шансы до максимума, в идеале – до ста процентов, – наставительно молвил Гама.

– Так не бывает, и вы оба это знаете! – Барини рассердился всерьез. – Сейчас шансы наилучшие, это я вам говорю. Дальше будет только хуже! Стократ хуже! Упустим время!

– Не волнуйся так, Толька, тебе вредно, – сказал дьявол Отто.

– Я волнуюсь? Я вне себя! Я камни грызть готов! – Барини качнул головой, как бы прислушиваясь к внутренним ощущениям. – Хм, волнуюсь... Слова-то какие!

– Слова обыкновенные, – вмешался Гама. – Ты не кипятись, ты излагай. Мы тебя слушаем.

– От вас, в общем-то, мало что требуется. – Князь овладел собой. – От тебя, – кивнул он на пророка, – одобрение и чуть-чуть рекламы. И денег, конечно. Двух тонн платины мне на первое время хватит. От тебя, – кивок в сторону дьявола, – тонна золота в слитках плюс небольшая помощь в Киамбаре и Магассау. Погасишь там эпидемию после того, как мои проповедники немного пошаманят на городских площадях. Ну и общее психологическое давление на противника: полеты днем, грозные знамения, не мне тебя учить.

– В Киамбаре и Магассау нет эпидемии... – начал было Отто. И осекся, сообразив.

– А должна быть, – закончил за него Барини.

– Понятно... Синяя лихорадка?

– Лучше вялая горячка. Смертность ничтожна, а больной ни на что не годен и воевать в Ар-Магор не пойдет.

– А ты гуманист! – сказал Отто с усмешкой. – Нет, я иногда просто люблюсь тобой: готов развязать большую войну, а сам переживает, как бы не наломать лишних дров. Мы ведь не людей спасаем, а человечество. Забыл?

– Вот и давай спасать его без лишних... вивисекций. Кто нам не мешает, тот пусть живет. Ты что-то имеешь против?

– Должность такая, – со вздохом ответил дьявол.

– Лицедей с манией величия. Не должность, а роль. Самая большая ошибка, какую ты можешь сделать, – играть эту роль по Станиславскому.

– Предлагаешь халтурить?

– Точно. Как на детском утреннике. Здесь публика благодарная, помидорами не закидает...

* * *

Князь спустился с горы только утром. И не один: до самого низа лестницы его проводил благородно-седой старец в белых одеждах. Сам Гама! Рука об руку с князем!

Рейтары и слуги пали на колени. Три пилигрима, по виду – марайцы из торгового сословия, подошедшие только что и опасливо косившиеся на вооруженных унганцев, наконец поварили, что здесь им ничто не угрожает, и били земные поклоны, время от времени простирая руки к святому отшельнику. Разумеется, марайцы видели, как князь Унгана со смирением, не исключаям достоинств, опустился перед Гамой на одно колено, как перед господином, но господином духовным. И как седовласый старец возложил обе ладони на голову князя, они также видели. А раз видели, то разболтают об увиденном повсюду, что, собственно, от них и требуется.

Да об этом уже можно кричать на самых людных улицах марайских городов! Герцог давно уже не осмеливается вылавливать и казнить «премерзостных еретиков»; болтают даже, что герцог и сам бы не прочь принять новое вероучение, дабы наложить лапу на церковные земли, да не решается. Уж очень нехорошо лежит герцогство Марайское, как раз между Империей и Унганом.

Две силы. Одна явно, грубо толкает герцога к принятию окончательного и бесповоротного решения – другая толкает исподволь, скорее соблазняет, чем толкает. Империя грозна, зато Унган силен и богат. По странному стечению обстоятельств, его обходят стороной морозные поветрия, а неурожаи никогда не кончаются голодом. Крестьяне там не бунтуют, а марайские голодранцы толпами бегут в Унган, обходя дорожные заставы. С какой стороны ни глянь, все соблазн!

Сцена благословения кончилась. Слуги князя седлали коней. Коленопреклоненные марайцы остались внизу – обернувшийся на миг Гама знаком показал им: ждите. Когда придет время говорить с пророком, он сам даст знать. Возможно, раздастся голос, идущий прямо с неба, – ходят слухи, что такое бывало не раз. Быть может, над каменной лестницей появится сотканное из воздуха изображение пророка, жестами приглашающее подняться, или случится иное знамение, столь же удивительное, сколь и понятное пилигримам. Наконец, может произойти истинное чудо: сам Гама еще раз спустится вниз. Хотя вряд ли: пилигрим пилигриму рознь, а пророку свойственно чувство меры. Простым же смертным подобает смирение – жди, пока позовут. Особенно если дано понять: рано или поздно дождешься.

В это самое время пророк Гама, запыхавшийся после долгого подъема по крутой лестнице, хмуро пил сливянку.

– Проводил? – спросил Отто.

Вопрос не нуждался в ответе.

– Благословил?

Гама кивнул.

– Что ты не вляпался спьяну в одну из своих ловушек, я и сам вижу, – с усмешкой заметил нечистый. – А что Толик... пардон, его светлость князь Барини?

– Уехал.

– Значит, процесс пошел, – констатировал дьявол. – Вот оно как. Пошел, значит...

– Процесс давно пошел, – возразил пророк. – Сегодня он лишь вступил в новую фазу. Возможно, решающую. Ты не рад?

– Да как тебе сказать... – Отто потянулся было к сливянке, но перехотел и сел прямо. – Черт, хватит мне пить... Я не рад, если честно. И ты не рад. Мы привыкли играть свои роли, кое-чего добились и психологически уже почти готовы успокоиться – тут он прав на все сто. «Так начинания, вознесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия». Оно и есть. Мы опухли от ожидания. Если не начать сейчас, потом мы уже не начнем никогда. Будем играть на удержание счета... Ему это лучше видно – он князь.

– А ты князь Тьмы.

– Я пугало для дураков и шут гороховый. А еще я, как сейчас выяснилось, трус, перестраховщик и лентяй. Как и ты, кстати.

Гама усмехнулся.

– Не казись, лучше сливянки выпей. Хорошее у горцев пойло, терпкое только... Не хочешь? Ну, я один... Трус, говоришь? А что тебя, собственно, пугает? Не Толика – у него голова в закладе – и не меня – про себя я знаю, – а тебя? Ты-то чем рискуешь? Кроме смысла жизни, понятно.

– Им и рискую.

– Значит, лучше терпеливо дожидаться, когда дичь подойдет под выстрел, и не выстрелить из опасения промахнуться, так? Дескать, будет другой случай? Не будет.

– Он тебя убедил, – заявил враг рода человеческого, подняв тощий желтый палец.
– Почти. Сомнения еще есть. Как и у тебя. Сомнения есть – серьезных возражений нехватка. А значит, он прав... и мне жаль его.

– Во всяком деле есть две стороны, – наставительно проговорил Отто, – а именно: плохая и очень плохая...

– А хорошей нет?

– Не дождешься. Впрочем, виноват, есть еще третья сторона: хуже некуда.

– Не ерничать не можешь?

– Профессия такая, – хмыкнул Отто. – Короче. Вот плохой вариант: Унган громит Империю, разносит ее вдребезги, а потом начинает собирать осколки и варить то же блюдо под новым религиозно-идеологическим соусом. Получится?

– Это я и хотел бы выяснить, – сказал Гама. – Способен ли Унган одолеть Империю в войне?

– Способен. Его светлость Толик не сидел сложа руки. Кстати, лет через сто Империя развалилась бы и без него... центростремительные тенденции, знаешь ли, объективный исторический процесс... Все эти короли и герцоги спят и видят, как бы отделиться. То-то и оно: удастся ли собрать их земли вновь за время жизни человека? Сомневаюсь. Предстоят столетия войн, как в феодальной Японии. Даже хуже: японцев все-таки объединяла религия, а здесь – наоборот. И можешь не сомневаться: религия в новой куцей Империи начнет эволюционировать, применяясь к обстоятельствам текущего момента. Мне страшно и подумать, во что превратится учение твоего имени.

– Понятно. – Гама поморщился. – И это ты называешь плохим вариантом? Религия изменится по духу? Гм... не думаю, что изменится фатально. Войны, кровь? Они в любом случае неизбежны – люди есть люди, история есть история. Ладно, какой вариант, по-твоему, очень плохой? Империя громит Унган?

– Именно. Такой исход войны менее вероятен, но, согласись, тоже не исключен. И тогда нам придется начать всю работу сначала. Наши возможности влиять на события ограничены. Конечно, от крайности я могу полетать над имперскими войсками на флаере да пальнуть разок-другой, чтобы разбежались... Могу накидать по Империи очагов эпидемий – и сделаю. И все же у меня нет полной уверенности. Война была, есть и останется делом в какой-то степени вероятностным, нет?

– Да. Гм... любопытно, какой же вариант ты считаешь наихудшим? Доставай своего кролика, фокусник.

– Я имею в виду такое развитие событий, которое мы предсказать не можем, – очень серьезно сказал Отто. – Неучтенный фактор или случайность в ключевом месте в ключевое время. Дела могут пойти таким образом, что мы не будем знать, где и как нам следует вмешаться в события, чтобы направить их куда надо. Тут масса разных вариантов, все не просчитаешь... от стихийного бедствия до измены кого-нибудь из нас общему делу.

– Даже так?

– Н-ну... это просто отвлеченный пример. Хотя мы ведь тоже люди. Друзья, да. Вот только жизнь такая подлая штука, что... Ладно, замнем. Не хочу об этом говорить.

– Ты уже сказал, – спокойно произнес Гама. – Продолжай. По-твоему, Барини ищет войны единственно ради того, чтобы скинуть императора и самому занять его место?

– Я не сказал насчет «единственно», – запростестовал Отто. – Я лишь имел в виду, что среди многих его резонов наверняка есть и такой, и дьявол знает, что будет дальше... то есть тьфу, что это я?.. Дьявол – и тот не знает! – Он всхрикнул.

– Не знает и пророк. – Гама помолчал. – Вот ведь как... Ему положено знать, а он не знает. Гм, а ведь ты правду сказал. Одно пророк знает точно: как бы тщательно люди, князья,

пророки, дьяволы ни планировали большое дело, результаты его будут совсем не похожи на то, что планировалось. Почему – не знаю. Знаю только, что всегда так было.

Помолчал и добавил уверенно:

– И всегда будет.

Глава 3

Корабль был великолепен. Барини облазил его сверху донизу, задавая каверзные вопросы, получая толковые ответы, одобрительно мыча и с наслаждением вдыхая ноздрями запах кремень-дерева. Прочнейшие доски палубного настила, лежащие на мощных бимсах, не имели ни одного известного корабельщикам-речникам изъяна. Обшивка бортов – двойная, с пробковой прокладкой, смягчающей таранные удары океанских валов. Частые шпангоуты укреплены вдесятеро прочнее, чем на самой крепкой речной барке. Штурвальное колесо, заменившее прежние румпели, поднято на высокую кормовую надстройку. Мачты невысоки, а балласт достаточно тяжел, чтобы опрокинутое набок судно могло самостоятельно выправиться. Все снасти тщательно отобраны и испытаны на прочность.

Да, корабль был хорош. Он был даже красивее тех корабликов, что до сих пор украшают в Унгане шпили храмов Всеблагодой церкви. Но там – хрупкая и страшная своей хрупкостью красота. Безданная красота смерти ради других. В таком вот кораблике – утлой лодчонке, провонявшей рыбой, – был казнен океаном святой Акама. Лодчонку, вынесенную в море течением Лейса, швыряло недолго – всего лишь до первой настоящей волны, – а толпа на берегу, конечно же, улюлюкала, не ведая, что скоро начнет строить храмы в честь святого и украшать их шпили золочеными игрушечными корабликами.

Было время, когда имперские власти казнили еретиков водой. Потом на каком-то там по счету Соборе Всеблагодой церкви возобладало мнение, что казнь через утопление кощунственна. Тогда, исходя из здравого убеждения, что огонь есть полная противоположность воде, инакомыслящих стали жечь на площадях перед храмами, увенчанными игрушечными корабликами... Очень красивыми корабликами.

Здесь была совсем иная красота – красота мощи, прочности и целесообразности. Широкий корпус. Тяжелый киль. Низкие крепкие мачты. Невысокая скорость, зато прекрасная остойчивость и, наверное, хорошая всхожесть на волну. Барини одобрительно похлопал ладонью по мачте. Да, такой корабль не развалится, приняв бортом удар океанской волны. Он поборется. Быть может, в особо благоприятных обстоятельствах он поможет унганцам достичь Сказочных стран, лежащих за непроходимыми Туманными горами. А уж если совсем повезет и если на то будет воля кормчего, эта посуда переплывет и океан, позволив людям увидеть два материка, еще не известные здешнему человечеству...

Неистовый фанатик и гениальный корабельщик Буссор превзошел-таки себя. Этот корабль – шедевр. Он много лучше первого, сгоревшего вместе с верфью. Буссор тогда чуть не умер с горя, но оправился и убедил Гильдию унганских купцов выделить средства на новую попытку.

Сейчас он переминался с ноги на ногу перед грузно восседавшим на табурете князем – маленький нелепый человечек с воспаленными глазами и ладонями в занозах. С верой в несбыточное, недюжинным талантом и потрясающим упорством. И, глядя на него, князь делал над собой усилие, чтобы взглядом или мимикой не выдать жалость. Потерю второго корабля Буссор навряд ли переживет...

Но разве можно позволить ему достичь цели, к которой он шел всю жизнь, борясь с невозможным, падая в бездну отчаяния при неудачах и вновь находя в себе силы бороться?

Ни в коем случае нельзя. Не сейчас. Лет через сто при удачном стечении обстоятельств – еще может быть. Но лучше через двести.

Парадокс: вот такие люди, как Буссор, как Гах, как Вияр, как Фратти, суть соль этой земли, но они же и главная ее беда. Средневековые перезрело, и джинн готов выскочить из заплесневелой бутылки. Джинну все равно, что там перезрело или недозрело, – лишь бы вынули пробку.

Двадцать лет назад троим землянам стало понятно, что сама география планеты дает потрясающий шанс изменить вектор развития местной цивилизации. Гигантский континент, образованный в древнейшие времена столкновением трех материков, до сих пор оставался единственным местом обитания разумных прямоходящих. Да и то не весь: смятая в складки материковая кора вздыбила горы, уходящие сверкающими вершинами в стратосферу, и отделила южный субматерик. Восточный субматерик теоретически был доступен в обход главенствующих горных систем – но решительно никому не нужен. Ни один находящийся в своем уме правитель не послал бы армию коченеть на перевалах Холодного хребта, тонуть в Великих болотах, вновь карабкаться на горы – и все ради того, чтобы наловить рабов, которых к тому же практически невозможно сохранить живыми на обратном пути. Ни на что другое восточные земли не годились. Там не было государств – лишь дикарские племена, не достигшие уровня варварства. Сказки о платиновых и золотых самородках, устилающих берега тамошних рек, так и остались сказками.

Если бы не океан, иногда обманчиво-спокойный, но куда чаще яростно штормящий! Если бы он, проклятый Всеблаготворителем церковью, не топил корабли!

Для Буссора океан был личным врагом. И упрямство лучшего корабеля этой планеты уже не первый год было личной проблемой Барини. Гениальный инженер и фанатик идеи мореплавания нравился князю, но... уж лучше бы он строил речные барки!

Дожил бы, пожалуй, до старости. И когда-нибудь умер бы богатым человеком в своем доме, окруженный многочисленным семейством. Завидная доля, предел мечтаний для девятидесяти процентов людей этого мира...

– Сколько времени займет достройка и оснастка? – спросил Барини, прогнав лишние мысли.

– Не более двух месяцев, ваша светлость. – Буссор кланялся и судорожно облизывался, нервничая. – Также потребуется время на набор и обучение команды...

– Не спешат рыбаки наниматься в матросы, а?

– Не очень-то поспешают, ракоеды, – вздохнул Буссор. – Понятное дело: трусят. Кто за долги последние штаны продал, те да – куда им деваться... А кто при своей лодке да при семействе – те ни в какую. Зачем, говорят, нам на верную смерть идти. Я им: на таком-то корабле какая может быть смерть? Все равно не верят.

– Может, преступников тебе подарить? – спросил Барини. – Не разбойников, конечно, а тех, кто сидит за неуплату налогов или, скажем, за нечаянное убийство. Добровольцы найдутся, пусть искупают грехи. Возьмешь?

– Возьму! – Буссор мигом воспрял духом. Даже глаза заблестели. – Бог да благословит вашу светлость!

– Благословит, благословит, – отмахнулся Барини. – А теперь давай-ка еще раз: как ты собираешься вывести эту посудину в море?

– По паводку, ваша светлость. Как Халь вздуется, так мы и пойдем по течению. Сперва до Амая, а там уж до самого моря. Легко дойдем.

– Значит, не раньше весны?

– Не раньше, ваша светлость... – Буссор сразу приуныл.

– Думаешь, успеешь по паводку пройти амайские теснины?

– Придется успеть, ваша светлость...

– Ну допустим. А потом?

– До поздней весны простоим в устье Амая, – продолжал докладывать Буссор. – Там и примем товар. А как весенние бури пойдут на убыль, пойдем и мы. На запад, а там и на юг...

У него может получиться, думал Барини, слушая. Корабль хорош, план разумен. Вот ведь выискался доморощенный Васко да Гама! Сказочные южные страны ему подавай! Нет там стран, и людей там нет, некого облапошить торговлей цветными тряпками, и некого заставить

работать на заморских могущественных господ, повелителей морей. Правда, не с кем и воевать. Зато придется самим собирать диковины, искать драгоценные камни и металлы, пробовать на вкус небывалые пряности, рискуя отравиться...

Все они готовы к этому. И Буссор – первый. А не он, так другой. Через десять лет, через двадцать. Попытки еще будут, и какая-нибудь из них увенчается успехом, принесет не только чистый доход, но и опыт, бесценный опыт!

Но что будет потом? Какую цену придется заплатить этой цивилизации за обладание морями? И сколько веков, если не тысячелетий, платить проценты?

Они не задумываются об этом.

Все люди таковы, в каком бы мире они ни родились. Земляне в точности такие же. Покинув планету-колыбель, они принимаются искать в космосе братьев по разуму.

И не находят.

Многие – их гораздо больше – ищут выгоду и тоже не находят.

Потому что дальние сказочные страны надо искать за морями, а не в полосе прибоа.

И они ищут. Напрасно ищут. Ибо Вселенная бесконечна, чего не скажешь о человеческой жизни.

Потом – гораздо скорее, чем диктует элементарная логика, – их терпение истощается. Тогда они утрачивают всякий интерес к поискам, полностью заикливаясь на решении собственных проблем, которых всегда много и все неотложные...

И это первый шаг к вырождению, потому что история как осыпь: кто не карабкается наверх, тот сползает вниз. А за вырождением нет уже ничего... совсем ничего. Пустота. Последние люди, доживающие свой срок, и планета с растраченными неизвестно зачем ресурсами.

– Постой-ка, – прервал Буссора князь. – Ты собираешься зайти в Чипату?

– Либо в Чипату, либо в Хонсу, ваша светлость. Пополниться водой... да и бурю там хорошо переждать. Большая закрытая бухта, очень удобная. Я видел, я знаю. Местные рыбаки там рыбачат и соленой воды не боятся.

– А тебя не смущает, что Хонса и Чипату лежат на территории враждебного нам королевства Магассау?

Буссор не растерялся.

– Я совершенно уверен, что к тому времени Хонса и Чипату будут принадлежать вашей светлости! – лихо отбарабанил он.

Барини усмехнулся про себя. Ай да корабел! Обтерся за столько-то лет, разворачивая перед владыками фантастические прожекты, худо-бедно понабрался умения хитрить и льстить. Годами добивался аудиенций, лебезил перед вельможами и фаворитками, терпел насмешки пустоголовых аристократов, много раз рисковал угодить под церковный трибунал... и вот нашел унганского князя.

А князь его убьет. Рано или поздно князю придется сделать это, потому что тем, кто норовит заглянуть в Неведомое, вредно опережать свое время. Под любыми предложениями князь Барини оттянет начало великого плавания минимум на год. Так и так Буссор понадобится для завершения постройки флотилии барок и устройства волоков между реками Амай и Лейс. Потом, возможно, понадобится еще для чего-нибудь.

И все же в конце концов его придется отпустить.

Ему придется исчезнуть в океане. Радиоуправляемая мина на борту среди мешков с товаром, сигнал на подрыв – чего проще? Волны выбросят на берег несколько досок. Быть может, это охладит воспаленные головы мечтателей, грезящих о покорении морской стихии?

Пять к одному, что корабль Буссора погибнет без постороннего вмешательства в полосе рифов южнее Горячего мыса. Но лучше подстраховаться.

– У вас, кажется, есть сын, Буссор? – перебил корабела князь.

– Д-да... – Сбитый с толку Буссор заморгал. – Есть сын, ваша светлость...

– Сколько ему? Лет десять, я не ошибаюсь?

– Девять, ваша светлость.

– Не берите его с собой в плавание. Я сам позабочусь о нем во время вашего отсутствия. –

Барини встал, а Буссор все продолжал моргать, еще не осознавая, что князь сказал ему «вы». – Ну что ж... я доволен. Хорошая работа, фьер Буссор. – Барини хлопнул по плечу вспотевшего от волнения корабеля. – Да-да, вы не ослышались, именно фьер. С этой минуты вы дворянин. Сегодня же зайдите в департамент геральдики, а вечером я жду вас на ужин. До вечера, фьер Буссор!

Что можно сделать для человека, которого собираешься тайно убить?

Немногое. Сделать его родоначальником нового дворянского рода. Зачислить его сына в школу на казенный кошт, чтобы подростком не болтался по притонам, а готовился к экзаменам на первый чин. Возможно, подбросить денег, а то и подарить какое-нибудь захудалое имение.

Чуть-чуть успокоить совесть.

И, разумеется, соблюсти приличия.

* * *

– Фитиль вздуй... Целься... Пли!

Первая шеренга нестройно выпалила. Шагах в сорока от нее набитые тряпьем мешки – мишени – нестройно дернулись. Не все. Поплыл по ветру пороховой дым.

– Не стоять! Не паяться! Ежовый мех! У тебя что, дерьмо в башке? Разворот кругом – и в хвост! Вторая шеренга... целься... пли!

Лейтенант орал, зверски выкатывая глаза на подчиненных и временами бросая опасливый взгляд на наблюдавшего за экзерцицией князя. Новобранцы очень старались не оплошать, в результате чего то и дело спотыкались на ровном месте, роняли аркебузы и путали строй. В мире, где родился князь Барини Первый, он же Толя Баринов, это явление носило краткое название – «визит-эффект». Здесь до такого еще не додумались, и если солдат плохо выполняет команды и даром жжет порох – виноват, безусловно, офицер. Вот почему лейтенант багровел, кусал от злости ус и старался взять глоткой. Получалось не очень.

Князь ничего не сказал. Князь просто-напросто взял аркебузу из рук растерянного молоденького солдата, занял его место в последнем ряду и, переступая маленькими шажками вперед вместе с шеренгой, без суеты, но быстро зарядил оружие – засыпал в дуло пороховой заряд, вложил пыж и пулю, утоптал шомполом, подсыпал пороху в затравочное отверстие, дунул на фитиль... Выпалив в свою очередь, быстро отошел в последний ряд, вернул солдату оружие. Улыбнулся отеческой улыбкой: вот так, мол, надо. И дивно: дело явно пошло на лад, и никто больше не ронял аркебуз, и мешки с тряпьем стали вздрагивать чаще...

Говоря по совести, мало что приходилось выдумывать с нуля. Тактику залповой стрельбы Барини вчистую стянул у испанской пехоты, латы и шлемы кавалерии – у «железнобоких» Кромвеля. Об артиллерии он знал мало, но не нужно быть гением, чтобы после нескольких неудач освоить литье орудийных стволов вместо склепывания их из железных полос и нарисовать на бумаге лафет – частью по памяти, частью из соображений здравого смысла.

Не видать бы Унгану независимости, если бы не бомбарды новейшего образца, лишь по инерции называемые бомбардами, а не пушками. А много ли их участвовало в битве при Лейсе? Теперь совсем иное дело: Литейный двор работает день и ночь, только успевай подвозить медь и олово, крутятся от водяных колес сверла величиной с хорошее бревно, растачивая каналы орудийных стволов, крутятся малые сверла для ручного оружия, резчики едва успевают изготавливать ложа и приклады для стволов аркебуз, что лежат под навесом, как дрова,

каторжники добывают все больше руды, в предгорьях Холодного хребта стучат топоры, вырубая последние леса...

Унган готов к большой войне.

Как всегда, хотелось большего. Чтобы армия выступала в поход с двумя сотнями бомбард, и чтобы в ней не осталось ни лучников, ни косолапых горе-воjak с рогатинами и лесорубными топорами. Вообще по возможности долой ополчение! Разве что в обоз. В строевых частях – только аркебузиры, пикейщики, артиллеристы и конница. Всех выучить, гонять до седьмого пота. Этот мир еще не знал армий, преобразованных муштрой в продолжение руки полководца. Будет такая армия. Еще не завтра, но будет.

Недостатки попадались Барини на каждом шагу. Плохо идет обучение новобранцев. Еще мало бомбард, аркебуз, пороха. Свинца для пуль – и того мало. Чванлив и бестолков младший и средний командный состав. Мелкие дворянчики, радуясь ослабевшей при Барини власти старой аристократии, пролезли на офицерские должности, а сами немногим лучше. Даже казнями трудно заставить интендантов приворовывать, но не воровать. Князь часто вспоминал определение войны, данное одним земным полководцем: противопоставление своей нехватки нехватке противника. И все же...

И все же Унган, по мнению Барини, был готов.

А Империя?

Вспоминалась война за независимость. Три года. Пять крупных сражений. Четыре из них были выиграны Унганом, а одно, вошедшее в историю под именем Семидневной битвы, окончилось, можно считать, вничью. Но Империя приустиала от войны, однако еще далеко не изнемогла. Если бы после Лейса Барини повел свою победоносную армию дальше в глубь имперских земель, как советовали ему некоторые опьяненные победой генералы, последствия были бы непредсказуемыми.

И Барини отступил, заключив перемирие. Отступил, несмотря на ропот военачальников, мечтавших взлететь под самый княжеский трон на крыльях славы, и солдат, не дорвавшихся до настоящей добычи.

Он отступил, чтобы без помехи делать главное – понемногу менять этот мир, начав с Унгана. Пропагандировать учение Гамы, выращивать ростки новой идеологии. Иногда ломать, но чаще гнуть. Терпеть, выжидать, работать над настоящим и будущим Унгана. Богатеть вместе с княжеством, копить мощь и ждать, когда же наконец изменившееся соотношение сил позволит разгромить Империю без особого риска.

Чтобы продолжить там то, что начал в Унгане.

Он не понимал тогда, что без расчетного риска все равно не обойтись. Теперь осознал вполне. Всех имперских шпионов не выловишь. Империя насторожилась. Она тоже готовится к войне, и, если сумеет напрячь все силы, никто не сможет предсказать итог борьбы. Возможно, она надорвется, сокрушая мятежный Унган, и распадется на десяток враждующих между собой королевств – но какое до этого дело бывшему князю бывшего Унгана, если его княжество исчезнет, а вся многолетняя работа пойдет насмарку?

На Зелейном дворе, вынесенном от греха подальше за городские стены, Барини выслушал сетования Вияра: селитра, мол, не та, отчего и порох дрянь. Не поверил: высыпал щепоть пороховых зерен на чистую доску, приказал принести лучину, поджег... Вспыхнуло вроде нормально...

– Не то! – горячился Вияр. – Это не порох! Вот в прошлом месяце караван привез селитру так уж селитру! А эта – дерьмо. Ее бы в Империю продать, самое лучшее ей применение...

– Ну-ну, – погрозил ему пальцем Барини. – Распродавался. Купец какой.

В том, что касалось производства смертоносного зелья, он полностью доверял нюху Вияра. Вияр не был ученым, а был он ремесленником в лучшем смысле этого слова, большим мастером и художником своего дела. Кисть его правой руки была оторвана близким взрывом,

на левой не хватало двух пальцев, один глаз выжгло, в кожу лица навеки впились несгоревшие порошинки. В городе его побаивались, считая колдуном и чернокнижником. Последнее изрядно забавляло князя – он-то знал, что Вияр читал по складам и едва мог написать свое имя.

Насчет селитры он был прав. С селитрой дела обстояли неважно. Давно уже в Унгане не осталось ни одной неразвороченной помойки – угрюмые и неразговорчивые землекопы Вияра добывали вонючую землю со дна помойных ям и со скотных дворов, тут же баламутили ее в корчагах с водой, добавив печной золы, сливали раствор в котлы и выпаривали его. Настоящей – ямной – селитры вечно не хватало. Селитряные рудники за Малым хребтом кое-как покрывали дефицит необходимейшего сырья, но его качество оставляло желать лучшего, что выводило Вияра из себя.

– Уймись, – сказал ему Барини, – и делай порох. Упаривай дважды и трижды, если надо. Лучше порох с изьяном, чем никакого. Это ты запомни накрепко.

Вияр насупился. Ясно было, что он переживает и чертыхается про себя. Какому мастеру приятно делать работу, с которой справился бы и ученик, – простую и некачественную?

– Есть и совсем негодная селитра, – молвил он сумрачно. – Пусть меня повесят, если я пушу ее на порох.

– И много ее?

– Да уж сотни две мешков накопилось. Ежовый мех! Что с нею делать – ума не приложу.

– Еще раз смешать с золой и выпарить.

– Уже пробовал! Все равно не то.

– Тогда просто копи ее. Я потом распоряжусь, чтобы негодную селитру вывезли, – раздам крестьянам на удобрение.

Уцелевший глаз пороховых дел мастера усиленно заморгал.

– Разве селитра годится удобрять поля?

Князь кивнул. Ему нечасто удавалось поразить Вияра. Впервые это случилось, когда Барини предложил делать порох в зернах, продавливая серый порошок через железное сито. Получилось гораздо удобнее в использовании, качество тоже улучшилось, а Вияр стал уважать князя не только как господина и благодетеля.

В это утро грузную фигуру Барини видели также на Княжьем лугу, где Крегор командовал маневрами рейтарского полка, на бумагоделательной мельнице и на казенной шелкопрядильной мануфактуре. В тонкостях кавалерийского дела князь разбирался неважно и больше слушал, чем распоряжался, а на мельнице и в мануфактуре вообще не проронил ни слова. Вырабатываемой бумаги едва хватало на нужды княжеской канцелярии, а тончайший унганский шелк, сотканный из паутины ядовитого полосатого паука Ай, все еще стоил баснословно дорого и служил важной статьей экспорта. Выходило, что с бумажными аркебузными патронами и шелковыми оболочками зарядов для бомбард придется повременить. И тут хоть кричи, хоть топай ногами, а экономика что дерево: любит уход, но и при должном уходе имеет терпение выждать урожай.

И то сказать: без промышленного производства не будет победы, цель которой состоит в том, чтобы рано или поздно угробить это самое промышленное производство. Вот ведь гнусный парадокс...

– Ладно, – пробормотал Барини, въезжая в ворота зубчатой стены, отделяющей старую часть Марбакау от окраинных слободок, – и без шелка повоюем. Совочком порох будем в дуло сыпать, совочком...

Охрана – скорее почетный эскорт гвардейцев в парадных латах и перьях – едва не дремала в седлах. Гвардейцев разморило на солнцепеке. Барини ехал впереди, по виду, совершенно не обращая внимания на личную безопасность. Свистни из окна арбалетная стрела, метнись к князю из уличной толпы или занавешенного портшеза ловкий человек с кинжалом – гвардейцы не успели бы вмешаться, даже не будучи сонными. Разве что повязали бы негодяя – уже потом.

Один лишь младший оруженосец зорко глядел во все стороны – мечтал, дурак, прикрыть собой его светлость. А напрасно: тоже не успел бы. За последний год на князя покушались трижды – два раза выручал ультракевлар под камзолом, один раз спас случай. И всякий раз охрана реагировала с опозданием.

Из харчевен – чистеньких и дорогих близ центра города – доносились вкусные запахи. На торговых улицах приказчики зазывали покупателей в лавки. Где-то стучал молоток кузнеца, судя по звуку, ковавшего лошадь. Беспатентные проститутки старались укрыться от княжьего ока, справедливо опасаясь публичной порки на потеху толпе. Три веселых дома, открытые по указу Барини в Марбакау, приносили казне стабильный доход. Барини предпочел бы по примеру средневекового Токио перенести все публичные дома в особый квартал и не брать со шлюх налогов, обязав взамен сотрудничать с полицией и тайной стражей, – но это было делом будущего. Сейчас требовались деньги, много денег, и нельзя было пренебрегать никаким денежным ручейком. Ручьи питают реки.

Увенчанный позеленевшим корабликом-флюгером шпиль храма Святого Акамы отбрасывал короткую резкую тень на площадь с эшафотом и тремя-четырьмя просмоленными головами на пиках. Пованивало из сточного желоба – вопреки грозным эдиктам горожане в подавляющем большинстве не избавились от привычки опорожнять ночные горшки прямо в окно. И всюду стояли, шли, сновали люди, люди, люди... В Марбакау много людей. Можно не сомневаться: среди них и сейчас разгуливают те, кто за кругленькую сумму или по религиозному рвению точит на князя нож.

И что делать? Завести полицию явную и полицию тайную, если по какому-то недоразумению их не было до тебя, и перестроить их для более четкой работы, если они были. Это давно сделано. А еще что?

А ничего.

Есть только один способ избежать смерти от руки наемных убийц, да и тот неверный, – добровольно заточить себя в каменную башню за семью стенами. Способ для труса, причем труса неумного, потому что трусы всегда проигрывают рано или поздно. Умный политик должен быть храбрецом или хотя бы слыть таковым.

Горожане кланялись. Почтенные купцы снимали широкополые шляпы, приседали их дородные жены в бочкообразных платьях и дочери в уродливых чепцах. Горожанам верилось: князь может прогуляться по городу и пешком, причем без охраны, – гроза и повелитель, благодетель и милостивец, воин и еретик, скорый на решения, щедрый к сподвижникам и безжалостный к врагам. Ну-ка, попытайтесь заколоть или застрелить такого! Кто отважится?

Да он повсюду ведет себя свободно, как дома! Смотрите все: вот он проезжает по улице, багровый, потный, грузный, властный. Он отвечает на поклоны милостивыми кивками и всё, всё вокруг себя замечает! Говорят, будто он умеет прозревать будущее. Он уверен в себе, и ему нечего страшиться. Сам пророк Гама – слышали? – дал ему свое благословение. Он неуязвим. Идти за ним – идти к победе. Ура князю! При нем Унган расцвел, как прежде не бывало. Смотрите, какая тень лежит на его величественном челе! Это печать заботы о подданных, это немое свидетельство неустанной мысли об их благополучии! Ура! Ура!

На челе Барини и впрямь лежала тень. Князь страдал, позабыв только что терзавшие его мысли об убийцах. Князя кусало насекомое, неведь как забравшееся под исподний ультракевлар. Спеша насытиться кровью, ничтожная тварь упоенно грызла потную спину аккурат между лопатками, и было в насекомом не больше милосердия, чем в убийце. Ежовый мех! Где только подцепил эту пакость?

И ведь не почешешься.

* * *

– Ванну! Эй, кто там! Ванну мне, обед и секретаря, живо!

Ванна была уже готова – дворцовая челядь прекрасно знала необычную привычку господина держать тело в чистоте. Обед – чашка бульона, кусочек хлеба да немного тонизирующих листьев для жевания. Этот мир не знал ни чая, ни кофе. Впрочем, листья хорошо бодрили тело и ум.

Господин чудил, и слухи о его чудачествах давно выползли за пределы дворца. Он почти ничего не ел на обед, и он приказал оборудовать один из малых дворцовых покоев ванной с подогревом. Под обширной медной лоханью пылали уголья, дым уходил в специальную трубу, от нагретой воды поднимался пар, а его светлость забирался в лохань нагишом – ни дать ни взять грешник, набедокуривший при жизни и поделом наказанный в аду. Но князю нравилось, и на мнение богобоязненных горожан он поплевывал. К тому же в последние годы многие из них охотно уверовали, что нет на том свете никакого ада, а есть счет добра и зла и бесконечная цепь перерождений.

Да и трудно не верить в это, коли с поборников старой веры дерут лишние налоги!

Князь яростно мылился бурым, с резким запахом мылом. Зловредное насекомое не было поймано, но, должно быть, утонуло. Князь скреб тело пятерней. Потом наступил черед неги, совмещенной с трапезой. Хлопья грязной пены вместе с распаренным грузным телом скрыла почти чистая простыня, поверх нее на борта лохани безмолвные слуги водрузили серебряный поднос с наискромнейшим княжеским обедом, и появился дежурный секретарь – одетый во все серое маленький человечек с умными глазами. Наступило время второго за день – первое следовало сразу после завтрака – чтения прошений, кляуз, прожектов и тому подобной корреспонденции. Под мышкой секретарь имел немалый ворох бумаг и пергаментов, скрученных в свитки, в руках – складной пюпитр, на поясе – чернильницу, за ухом – перо, на невзрачной физиономии – почтительное внимание. Дождался благосклонного кивка, установил пюпитр, с шелестом развернул первый свиток, начал:

– Бургграф Пру сообщает из Дагора: позавчерашней ночью была попытка поджечь флотилию речных судов, что собрана там по приказу вашей светлости. Один из поджигателей пойман. Его имя...

– Плевать на имя! Что с флотилией?!

– Цела, мой господин.

Барини шумно перевел дух.

– Пожар был замечен вовремя и быстро потушен. Бургграф Пру ходатайствует перед вашей светлостью о награждении городских стражников, проявивших в этом деле похвальное рвение и расторопность.

– Выдать им наградные. Отпиши бургграфу: я им доволен. Охрану судов и пристаней – усилить. За городской счет. Не выдавать Дагору прощения, если сгорит хоть одна барка. Поджигателя – под конвоем в Марбакау, да чтобы руки на себя не наложил... Дальше.

– Старшины цеха столичных кожевников вновь почтительнейше просят вашу светлость запретить кожевникам из Дагора и Ригуса сбывать их изделия в Марбакау. Вместе с тем они не возражают против того, чтобы означенные кожевники везли в Марбакау невыделанные кожи...

– Согласны они, видите ли, – прервал Барини. – Богатеть хотят. Обленились, пупки чешут. Все хотят богатеть за чужой счет, палец о палец не ударив. Отказать. И передай кожевникам, что если они опять затеют на рынке драку с пришлыми торговцами, то городская стража займется сперва ими, а потом уж пришлыми. Дальше.

– Простите, господин... тут еще дело о мышах и крысах.

– Ну, хоть не о крокодилах, – хмыкнул князь. – Читай.

– Гильдия хлебных торговцев нижайше просит вашу светлость отменить штраф, наложенный за поставку войску попорченного грызунами зерна. – Секретарь сокрушенно покачал головой с таким видом, как будто сам был виноват в порче. – Правду сказать, крыс в городе развелось видимо-невидимо...

– Потому что запасы растут, – сказал Барини. – Только это еще не повод губить зерно. Торговцам – отказать. Пусть платят. Пиши эдикт. Всякий, кто убьет кошку, хотя бы и бродячую, получит, невзирая на имя и звание, пятьдесят ударов плетью на рыночной площади и заплатит в казну пять... нет, десять имперских золотых. Так-то. Давай дальше.

Секретарь украдкой облизнулся, проворно скатал свиток, развернул другой.

Магистрат Марбакау вторично просил о позволении именоваться впредь Великим Магистратом. На первый взгляд отцы города попросту тешили свое пустое бюргерское тщеславие – на самом же деле хотели многого. Окончательного закрепления за Марбакау статуса столицы княжества – раз. Вытекающих из данного статуса торговых льгот – два. Расширения полномочий городского суда за счет суда княжеского – три. Подготовки условий для перехода под бюргерский контроль все новых и новых ниточек управления городом – четыре. И так далее, вплоть до полного самоуправления в отдаленной перспективе. Ничего нового по сравнению с земной историей соответствующего периода: точно так же города искали союза с монархами против феодалов, а потом исподволь, по крохам, отнимали власть и у монархов. Однако же...

Однако же не настолько эти бюргеры глупы, чтобы не понимать: все имеет свою цену. Особенно мечты о прекрасном Завтра. Поэтому город заплатит за эти мечты. Не золотом, нет, золото привезет Отто. Город заплатит оружием, порохом, обмундированием, фуражом, речными судами, а главное, людьми. Скоро война.

– Завтра в полдень я готов выслушать уполномоченных магистрата, – сказал Барини. – Дальше.

Он взял с подноса широкую чашку расписного юдонского фарфора, подул на бульон. Еще горячий... Уловил боковым зрением, как секретарь метнул на повелителя быстрый взгляд и мгновенно отвел. Странно. Или почудилось?..

– Великий магистр ордена Акамы Бессмертного предлагает вашей светлости выкуп в сто фунтов платины за чудотворную статую Акамы из монастыря в Дагоре.

Опять деньги. Сто фунтов платины – это почти шестьдесят фунтов золота по имперскому курсу. На этой планете золото ценится дороже платины. Хорошие деньги за никчемного деревянного истукана. Впрочем, не столько никчемного, сколько вредоносного. Подходящий идол в руках противника – отличное знамя. Ба, а не та ли это статуя, что повадилась рыдать кровавыми слезами, стоило Барини начать секуляризацию церковных земель? Ну да, она самая. Неужто уцелела?

– Отложи. Я подумаю. Дальше.

– Гильдия хлопочет о неназначении вывозной пошлины на товары, отправляемые из Унгана морским путем.

Ого! Уже и морским? Ай да фьер Буссор! И в самом деле увлек толстосумов проектами морской торговли!

Укол совести не отразился на густом и ровном голосе князя:

– Согласен, но сроком на пять лет, не более. Заготовь эдикт. Дальше.

Секретарь развернул на пюпитре сразу два свитка.

– Тяжба, господин. Фьер Маркуб, барон Гукауский, и фьер Шарам, виконт Брахитский, оба жалуются вашей светлости на нестерпимые обиды, причиненные противной стороной. Каждый обвиняет другого в неисполнении мудрых повелений вашей светлости и шпионаже в пользу Империи. Оба просят суда. – На этом месте тон секретаря стал менее официальным. – Там давняя вражда... Есть слухи, что граф и виконт собирают дружины, того и гляди начнут жечь друг у друга поместья.

– Я им пожгу! – фыркнул Барини. – Из-за чего возник спор? Из-за земли, конечно?

– Вы, как всегда, правы, господин. Спор из-за деревеньки Малки... это из новых... беглецы там осели, марайцы... согласно милостивому разрешению вашей светлости. Пашут, сеют, живут кое-как...

– А-а, помню. Это за Змеиным урочищем. И что?

Секретарь принял скорбный вид страдальца от зубной боли.

– Земля там непонятно чья, ваша светлость. Когда-то она принадлежала роду Гамба, но где тот род? Выходит, ничейная земля. Вот фьер Маркуб и фьер Шарам и кричат: нет, мол, земли без господина. И каждый старается прибрать ее себе, да другой мешает.

– Правильно, – кивнул Барини, – нет земли без господина. И господином буду я. Отписать эту землю в казну вместе с деревенькой. Таков будет мой суд. А если Маркуб и Шарам не утихомиряются – милости просим в Марбакау на честный поединок один на один, равным оружием. Народу понравится. Да и я погляжу.

Секретарь послушно улыбнулся, скатывая обе кляузы в одну трубочку. Никаких пометок на бумагах он не делал – память у него была отменная, секретарская.

– Дальше.

– Ученая коллегия почтительнейше просит вашу светлость почтить присутствием экзамены на второй классный чин, каковые начнутся завтра в полдень.

– Приду. Не забудьте напомнить мне.

Князь дернул толстой щекой. С введенными им экзаменами на классные чины и государственные должности вечно было что-то не так, и вовсе не потому, что назначенные в коллегия люди с кое-каким образованием были поголовно олухи и лизоблюды. Вовсе нет! Среди них преобладали довольно светлые головы, но все они были набиты средневековыми предрассудками если не доверху, то наполовину. Приходилось контролировать их, лично присутствуя на экзаменах, удивляя экзаменуемых и экзаменаторов неожиданными вопросами и решениями, в результате чего на ту или иную должность нет-нет да и попадал дельный человек, даром что безродный. В последнее время ученые мужи не то чтобы избавились от мусора в головах, но стали догадываться, чего хочет князь, и брака в работе коллегии стало меньше. Тем не менее Барини не собирался ослаблять контроль.

Знали бы эти светлые по местным меркам головы, что князь озабочен лишь заменой в них одного средневекового мусора другим!

– Продолжайте. Что там еще?

– Приговор городского суда, ваша светлость. Прислан на утверждение. Дело о вредных разговорах, имеющих целью подготовку к мятежу против вашей светлости. Мастер-оружейник Киммом полностью изобличен в содеянном. Приговор суда: казнь через повешение.

– И что?

– Суд просит вашу светлость о снисхождении к доносчику...

– Стой, – прервал Барини. – Почему доносчику? Доносчик – он Киммому кто? Родственник?

– Приемный сын, ваша светлость.

– Наплевать, что приемный, а не родной. И он донес на отца?

– Отец от него давно отказался, ваша светлость... Из дому выгнал...

Все стало понятно. Сынок решил посчитаться с папашей, а там, глядишь, прибрать к рукам отцовское имущество, какое не описали и не растащили судейские, и зажить припеваючи. С делом такого рода Барини сталкивался не впервые. Порой хотелось взвыть – очень уж медленно внедрялись в умы подданных конфуцианские добродетели. Учение Гамы привлекало людей в теории, а как доходило до практики, верх всегда брала привычка. И чесало должностное лицо косный свой должностной затылок, недоумевая: не поощрять доносчиков – это как

же? Это что же такое власть сама над собой делает, а? Не устоять такой власти, нипочем не устоять!

Дурни. Не хотят видеть, кто доносит и на кого. А есть разница!

– Пиши, – заговорил князь. – Вину с Киммома снять. Освободить. Вернуть имущество, какое отобрали. Мало ли, кто что болтает! А хоть бы и была на нем вина – сыну-доносчику веры нет. Сынишку прыткого – обезглавить на площади с объявлением его вины. Голову на шест – подданным в назидание. Записал? Дашь потом на подпись.

Князь отпил из чашки глоточек бульона. Нарочито маленький глоточек – по давней привычке, продиктованной желанием и необходимостью оставаться в живых как можно дольше. Вкус показался необычным – так, чуть-чуть, самую малость. Князь сплюнул прямо в ванну.

– Поди-ка сюда, друг любезный.

Секретарь приблизился – сама готовность услужить, и услужить мгновенно, поймав даже не слово – движение брови или мизинца повелителя.

– Пей. – Кивок указал на чашку тонкого фарфора.

Секретарь побледнел. Заметно дрожащая рука его медленно потянулась к чашке, а на растерянном лице проступило: «Нет! Это не всерьез! Это шутка!» – очень знакомая попытка самообмана, распространенная среди малодушных, обреченных гибели.

– Ну что же ты? У тебя нет аппетита?

Аппетита у секретаря сегодня точно не было. Но храбрость нашлась – внезапная храбрость висельника, храбрость длиной в одну-единственную вспышку.

Секретарь схватил чашку и торопливо осушил ее до половины.

До дна – не успел.

Пошатнулся. Уронил чашку, разбрызгав по габасскому мрамору осколки фарфора и яд. Закатил глаза, захрипел...

Упал, подергался немного и затих.

Чертыхаясь, Барини полез вон из ванны.

Глава 4

Не успел еще кончиться сонный послеобеденный час, когда разморенные зноем горожане переваривают пищу где-нибудь в холодке, как следствие продвинулось весьма основательно. Подмешанный в бульон яд, по авторитетному мнению сведущего в алхимии Вияра, был растительного происхождения, вероятно, сок корня упокой-травы. (Цианиды и алкалоиды, отметил про себя Барини.) Лакеи и повар были допрошены начальником тайной стражи и, по его мнению, не были причастны к покушению. Имел ли возможность секретарь незаметно влить яд в бульон? Видимо, имел. Повар и поваренок показали: заходил на кухню. Технология покушения проявилась.

Заказчики – нет. Успевший умереть незаслуженно легкой смертью секретарь теперь уже ничего не скажет. Куда на сей раз тянутся нити – неясно. К императору? Возможно. К церкви? Еще более вероятно, учитывая способ покушения, – клирики лить кровь не любят, ханжи вшивые. Или все-таки свои, унганские бароны? Тоже не исключено. Одно ясно: секретарь не был подосланным агентом – его просто-напросто купили. Барини редко ошибался в людях – поначалу пользовался электронным эмпатом, пряча крошечный прибор за прядью волос у виска; потом, когда прибор вышел из строя, а волосы несколько поредели, – развил в себе необходимое правителю качество довольно точно оценивать человека на глаз. Но какую же сумму должны были посулить секретарю, чтобы он не устоял! Может, тряхнуть как следует феодалов на предмет добровольных пожертвований на нужды государства?

Нет, нельзя. Скоро война, баронские дружины лишними не будут. Хоть и устарели.

Начальник тайной стражи советовал на всякий случай сменить лакеев, да и повара тоже. Гм, сменить – недолго... А не сменить ли заодно начальника тайной стражи?

Но вслух князь сказал другое:

– Работайте. Меня интересует, кто платил. Мне нужны точные сведения – это первое. Кроме того, мне нужны неопровержимые доказательства причастности высших имперских сановников к покушению на мою особу. Это второе. Признаний недостаточно, постарайтесь раздобыть заслуживающие доверия документы. Понятно?

Начальник тайной стражи почтительно кивнул. Чего уж тут не понять: князю нужен повод для начала войны. Повод какой угодно, но убедительный для дураков. Князь прекрасно понимает значение пропаганды.

Хотя не постесняется начать войну и при отсутствии нового повода. Притеснение сторонников учения пророка Гамы имперскими властями – чем не повод?

Заслуживающих внимания сведений от заграничной агентуры сегодня не было, и князь отпустил начальника тайной стражи. Пусть копает. Менять его Барини, конечно, не собирался: предан, по-своему честен и не дурак, хотя далеко не гений. Тем меньше опасений, что начнет хитрую двойную игру. При таком начальнике тайная стража работала вполсилы, хотя очень старалась. И пусть. Тайная, а на виду – это устраивало князя. Серьезные дела, требующие настоящей тайны, он поручал совсем другим людям. Начальник тайной стражи догадывался об этих людях и, как доносили Барини, много копал в этом направлении, но, по-видимому, до сих пор ничего существенного не выкопал.

Обычная предосторожность правителя, еще мало известная в этом мире. «Не клади все яйца в одну корзину», – говорит старая земная пословица, и говорит дело: две тайные службы всегда лучше одной.

Может, завести еще и третью? Или это уже паранойя?

Она, родимая. Для этого мира, застигнутого в точке, примерно соответствующей позднему Средневековью на западный манер, достаточно и двух тайных служб. Возможно, хватило бы и одной, если бы нынешний государь был законным отпрыском славного рода властителей,

последним звеном предлинной цепочки унганских маркграфов, а не узурпатором. Но что сделано, то сделано.

Люди, которые как по мановению волшебной палочки оказываются у кормила власти после эпохи бедствий и гражданских смут, как правило, самые мерзкие из двуногих существ, включая шакала и грифа-падальщика. Достойные не выживают в этой борьбе. Без поддержки со стороны некоего пророка и некоего дьявола не выжил бы и Барини... фьер Барини Гилгамский, нищий дворянин, явившийся ниоткуда, чтобы продать свой палаш тогдашнему маркграфу. Он был никто. Мало ли по дорогам Империи слоняется нищелюбов с кичливым взором и пустой мощью! А этот вдобавок был из Гилгама!

О маленьком герцогстве, прилепившемся к берегу вечно штормящего океана на самом юге Империи, знали мало. Отродясь в нем не водилось ни доблестных воинов, ни умелых ремесленников, ни мудрых правителей, ни видных ученых, ни прославленных поэтов, ни величественных храмов, ни даже толкового вина. Словом – дыра. Зато это герцогство то и дело подвергалось нападениям кочевников, пересекавших Пеструю пустыню на конях особой породы, птицах и вселяющих страх в самые твердые сердца зверях шестирогох. Кочевники приходили за пленниками – единственной добычей, которую еще можно было взять в этой забытой святым Акамой стране. Случалось, кочевников интересовал не Гилгам, а богатые города и селения, лежащие далеко внутри границ Империи. Но Гилгам всегда оказывался на их пути.

После Великого землетрясения о Гилгаме поговорили сколько положено, а потом забыли. Было карликовое герцогство – нет карликового герцогства. Обрушились замки, исчезли деревни. Что не погрузилось в море, то было уничтожено огромной волной, несомненно насланной дьяволом. А может быть, и богом – в наказание гилгамцам за их вопиющую никчемность. Потеря, не ощутимая для Империи. Словно была бородавка на теле – и нет бородавки. Вроде свое, природное, да не жаль ни капельки.

Уцелеть удалось немногим. А Гилгам и Унган разделяло полсвета, поэтому лишь через несколько лет в Марбакау явился оборванный фьер со смешным выговором и десятком дружков разбойного вида. Решительно никто не был ему рад. Да и фьер ли он? Ветхую, попорченную соленой водой дворянскую грамоту, выданную прапрапращуру Барини чуть ли не тысячу лет назад, кто только не вертел в руках, да не все верили. Некоторые не верили вслух – таких Барини вызывал на дуэль, если сомневающийся был дворянином, а если простолюдином, то мигнет Барини беззаветно преданным ему горцам – и наглец уже истошно вопит, что его убивают, хотя на самом деле всего лишь дубасят. Как все-таки склонны к преувеличениям жители равнин!

Барини просился на службу в гвардию и был принят. Не сразу, а лишь после пяти-шести благородных дуэлей и одной безобразной драки, устроенной его горцами, едва не изрубившими в капусту усиленный патруль городской стражи. Бравый солдат, забияка, фьер, да еще не имеющий корней в Унгане, мгновенно был произведен в капралы. Пятью годами позже – в гвардейские лейтенанты. Своих дружков-горцев он тоже перетаскил в гвардию. Вскоре им нашлось дело: маркграф приказал арестовать министра, бежавшего от его гнева в Марайское герцогство. Диверсионная операция была проведена быстро и с блеском, незадачливый министр угодил в каменный мешок, а капитан Барини стал ближайшим и незаменимым слугой маркграфа, советником и исполнителем тайных поручений и желаний господина, не всегда высказываемых вслух.

Что же удивительного в том, что нищий дворянин делает карьеру, вкладывая в нее все свои способности? Что же ему еще вкладывать? Верность новоиспеченного капитана, в отличие от его подмоченной дворянской грамоты, не вызывала сомнений, неподкупность начала входить в поговорку, ум признавался всеми, удачливость поражала воображение простаков. Его побаивались. На него строчили доносы. Сам маркграф, науськиваемый родней, устроил

своей кreature несколько провокационных проверок – Барини вышел из них с честью и чином гвардейского полковника.

Потом случился поход в маркграфство Юдонское, где крестьяне, доведенные голодом до отчаяния, взбунтовались и натворили дел. В том походе маркграф Унганский, по требованию императора лично возглавивший армию, скончался от непрерывного поноса, отведав каких-то грибов, и в Унгане началась такая борьба партий, что все разом забыли и о крестьянском мятеже в соседнем маркграфстве, и об императоре, и обо всем, что находилось вне стен Марбакау. Которого из сыновей покойного государя посадить на престол – вот был вопрос превыше опасений императорского гнева. Армия, не получающая никаких приказов, застряла в приграничье, опустошая свои и чужие земли. Церковь святого Акамы, исстари не пользовавшаяся в Унгане особым авторитетом, раскололась. Подняли головы реформаторы. («Гляди, найдется какой-нибудь монах, приколотит к дверям храма свои девяносто пять тезисов», – предрекал Барини мало известный в то время Гама.) На улицах и площадях Марбакау не прекращались стычки, временами переходящие в побоища; в одном из них выброшенным из окна комодом был убит унганский архиепископ, опрометчиво выбравший не то время и не ту улицу, чтобы бежать из города. Распространились пугающие слухи об имперской армии, будто бы спешащей в Унган, дабы покарать нечестивых бунтовщиков.

А кто бунтовщик, спрашивается? Тот, кто стоит за старшего сына, родившегося то ли от законного, то ли от незаконного – сам дьявол не разберет – брака, или тот, кто стоит за младшего? Как решит император, так и будет, а как он решит – неизвестно. Ясно одно: виновных уж сыщут! Ох, страшненько... Железные полки императорской гвардии в стенах города – ой, лучше не надо... Не знающие ни пощады, ни совести наемники – того хуже. Да найдется ли кто-нибудь, кто отведет удар от простых горожан?

И нашелся такой человек. Нашелся в тот день, когда один малолетний претендент на престол был опоен ядом, а второй зарезан. Человек нашелся, когда в маркграфском дворце шла такая рубка, что, кого ни спроси из уцелевших донныне ее участников, никто не припомнит ничего, кроме душераздирающих воплей и кровавой мельтешни. Да, в тот день Унган нашел спасителя – гвардейского полковника Барини.

Барини Гилгамского.

Барини-из-ниоткуда.

Чужака, выросшего в эту землю.

С начала конфликта гвардия оставалась в стороне, как бы ни старались враждующие партии заручиться ее поддержкой. Барини всех обнадеживал и ничего не делал. Гвардейцев это более чем устраивало: всякому известно, что горожане мастера подраться, особенно в узостях улиц, а брошенная с крыши черепица или вылетевший из окна сундук не прибавят здоровья тому, на ком остановится траектория полета данного предмета. Гвардейские казармы ждали своего часа, готовые продаться тому, кто назначит большую цену.

А назначил-то Барини. И не просто назначил – еще до выступления дал богатый задаток звонкой платиновой монетой (спасибо Отто за транспортировку). В общем-то, гвардия и без того стояла горой за своего полковника, но поддержка делом, а не словом всегда должна оплачиваться наличными. И кончилась смута.

Не сразу. Дня в два. И не без крови – уже бессмысленной, хотя и неизбежной. Но кончилась.

Убийц маркграфских сыновей, конечно, нашли, заставили признаться и казнили. Вздернули и обезглавили еще кое-кого – немногих и походя, почти незаметно. Иных заточили без срока. Иные пропали, как их и не было. Многих из тех, кто помельче, кто не обладал никакими правами на трон Унгана и не слишком много знал, выкинули вон, как шелудивых псов. Некоторых оставили. Барини, под восторженный рев гвардейских рот объявивший себя наместником Унгана и местоблюстителем престола, быстро показал, кто хозяин в городе, да и во всем марк-

графстве. Щедрый Барини. Милостивый Барини, остановивший кровавую смуту и объявивший после казней прощение всем горожанам, участвовавшим в беспорядках. Барини Мудрый, бывший голоштаный ловец удачи, беглец из потонувшего герцогства.

В скором времени – Барини Первый, князь Унганский. Не король лишь для того, чтобы понапрасну не дразнить Империю. Поначалу еще не пришло время плевать на нее с высокой башни, а потом как-то незаметно забылось само намерение сменить титул. Король, князь – какая разница! Важно, что независимый и сильный. Настолько сильный, что Империя, крепко получившая по носу, затихла и готовит новую войну исподволь, не решаясь начать немедленно.

Это она правильно делает.

* * *

Барини не знал, остался ли в живых хоть один человек, знавший этот тайный ход. Наде-ялся, что нет. Один тайный ход, ведущий из княжеской опочивальни, был известен доверен-ным слугам и уже потому не мог считаться тайным, а другой ход, начинающийся в одном из бес-численных дворцовых коридоров за статуей первого унганского маркграфа Пигмона Обжоры, кажется, был забыт еще в стародавние времена. Нашел его Барини – почти случайно. Длинный ход, очень длинный и очень старый, но с прочной кладкой сводов. Он выводил далеко за внеш-нюю городскую стену в непролазные плавни у реки под меловым обрывом. Однажды ночью Барини загнал в плавни лодку – так, на всякий случай.

Слишком уж этот мир походил на Землю – точно так же не знал пощады к оступивше-муся, будь тот хоть необузданно жесток и неутомим в пороках, хоть светел разумом, благого-ден душой и добр сердцем. Любому монарху, а узурпатору в особенности, должен время от времени сниться один и тот же сон: толпа, еще вчера благословлявшая его со слезами умиле-ния, ныне ревет от восторга вокруг эшафота, вчерашнего владыку под барабанный бой ставят на колени, взмах, удар, и голова отскакивает от тела так резво, как будто давно мечтала о сво-боде. И новый, оглушительный, восторженный рев толпы!

И тут надо проснуться, желательно без крика, обтереть с себя пот, привести сердцебие-ние в норму и спросить себя: чего же ты хотел, мил-другок? А? Разве не знал, во что ввязы-ваешься? Не ври хоть сам себе – знал.

Знал, правда, и другое: была бы возможность – вернулся бы назад, на Землю, какова бы она ни была. Немедленно. Не оглядываясь. Зубами цеплялся бы за малейший шанс вернуться. Там было тошно, там был закат, а здесь рассвет перетекал в день, но разве с того легче?

Глупые мысли о несбыточном.

Кончено. Отрезано. Жить – здесь.

В одном месте ход имел ответвление в небольшую комнату со сводчатым потолком. Кому и зачем понадобилась она – оставалось только гадать. Пауки заплели паутиной все углы, а потом, вероятно, сдохли от недокорма, поскольку единственной живностью, навещающейеся сюда, был князь. В этой комнатухе Барини установил визор, работающий на изотопном источнике, и в условленное время выходил на связь с Отто или Морисом, более известным как святой Гама, а иногда с обоими сразу в режиме конференции. Здесь же он хранил часть запаса лекарств из медотсека сгоревшего «Пилигрима», кое-какие приборы, немного оружия, увесистый мешочек имперских золотых и бочонок с порохом на самый крайний случай.

Отто отозвался сразу же. Изображение дрожало, судорожно дергалось, а потом и вовсе погасло. То ли мешал грозовой фронт, то ли все-таки надо было вывести антенну на самую крышу дворца, то ли враг рода человеческого сам отключил изображение. Но звук остался.

– Ты где? – спросил Барини.

– Лечу над Магассау, – сухо отвечивал дьявол.

Судя по тону, Отто чем-то развлекался в полете, задав флаеру курс. Вероятно, играл в какую-нибудь игру с компьютером и был недоволен, что ему помешали.

– А что ты там делал?

– Интересный вопрос... Ты уже забыл, о чем просил меня?

– Помню, – сказал Барини. – Я думал, что ты забыл. Как там?

– Порядок. Дело сделано.

– Я не о том. Что вообще нового в славном королевстве Магассау? Общая, так сказать, атмосфера...

– У тебя что, шпионов там нет? – изумился Отто.

Князь вздохнул.

– Меня интересует твое мнение. Взгляд со стороны, если угодно. Ты ведь нечасто там бываешь, тебе должны бросаться в глаза всякие изменения... Я ведь тебя знаю, ты не ограничился пролетом над территорией... Где шалил – в Хонсе или в Чипату?

– В Хонсе.

– Ну и?..

– Ну что ты ко мне пристал? – пробурчал дьявол. – Мои дела – это мои дела. Я свою работу знаю. Обещал – сделал. И у тебя отчета не требую, между прочим!

– А ты потребуй, – ухмыльнулся Барини. – Я дам.

– Ладно, – сдался Отто. – В Хонсе, в общем, тихо, новые вербовочные пункты, правда, открылись. Многие записываются.

– Горожане?

– Большею частью бродячие вояки. Со своим оружием. Кто рваной грамотой трясет, кто шрамы показывает, кто поручителя ищет... Ландскнехты, словом. Я тоже чуть было не записался, да поручителя не нашлось...

– Они хоть знают, с кем им придется воевать?

– А как же! – Дьявол всхохотнул. – С тобой, еретиком! Да им-то, в общем, все равно...

Так, подумал Барини. Быстро же они забыли, как унганцы их колошматили... Хотя, с другой стороны, магассаусцы в той войне почти не участвовали, помнить особо не о чем... но то магассаусцы, а не наемники! У наемников отечества нет, кто платит, тому и служат. Ясно, что вербующимся намекают: на этот раз Империя собирается навалиться на Унган с такой силой, перед которой никто не устоит.

И тут выход один: платить своим ландскнехтам больше, чем платят в Магассау, Габасе, Бамбре и так далее, и так далее... Больше, чем где-либо в Империи. И, разумеется, первым начать войну.

Вербовочные пункты работали и в Унгане, притягивая блеском золота и платины тех, кто был готов воевать за звонкий металл, профессиональных вояк, слишком вольнолюбивых, слишком буйных, слишком алчных либо слишком гордых, чтобы тянуть солдатскую лямку в мирное время за два гроша в день. Зато они, как мотыльки, слетались на огонек, обещавший разгореться пожаром войны. Узнавая на городских площадях перед столом вербовщика старых товарищей, хохотали, обнимались, хлопали друг друга по плечам и спинам, выспрашивали, стоящее ли дело и кто будет командовать, шли чистить и точить ржавые палаши, шли пить вино и пиво... Они составляли корпорацию особенных людей, своего рода цех ремесленников войны, спаянное кровью сообщество, куда непросто было попасть новичку, сообщество, ревниво оберегающее свои привилегии и свою независимость. Трусов из своей среды они сами наказывали смертью, и никто не смел вмешиваться. Они могли отказаться пойти в бой, если им задерживали жалованье. С себе подобными, воюющими на противной стороне, они сражались без охоты, но столь же яростно, ибо цели войны, вопросы правоты или неправоты воюющих сторон волновали их в последнюю очередь. С точки зрения Барини, они были не очень-то люди – скорее дорогие, капризные в эксплуатации, но очень эффективные боевые механизмы.

Закономерное порождение любого мира, населенного людьми, на определенном этапе развития этого мира.

Генерал Кьяни, назначенный им в командиры, обошелся в две тысячи имперских золотых единовременно и еще по четыре сотни в месяц, но он того стоил. Без него Барини не собрал бы и половины того количества ландскнехтов, которое имел теперь, и лучшие вояки ускользнули бы к супостату.

Кстати, о деньгах...

– Ты сейчас случайно не на прииск летишь?

– Сначала к себе, флаер, сам понимаешь, надо продезинфицировать, а то заражу там всех вялой горячкой... А потом, конечно, на прииск.

– А ко мне когда?

– Послезавтра. Тебе удобно?

– А завтра не можешь?

– Чего захотел! Когда это я успею очистить и переплавить металл? Я же не железный.

Спать-есть мне надо, нет?

– Ну, послезавтра так послезавтра, – согласился Барини. – Кстати, как там наш пророк?

Что-то он не отвечает.

– Я с ним полчаса назад разговаривал, – объявил Отто. – Он просил извинить, сказал, что у него опять паломники.

Это было странно.

– Кто такие?

– Дьявол не в курсе, – хохотнул Отто. – Какие-то марайские торговцы, кажется.

– Он что, не мог заставить их подождать? – буркнул князь.

– Эти какие-то особо важные. Морису виднее.

– Ладно... Отбой. До связи.

Выключив визор, Барини озадаченно потер лоб. Что-то здесь было не так. Он вспомнил, как еще недавно рука об руку с Морисом-Гамой спускался по вырубленной в меловой скале лестнице, прозванной этим дурачьем Святой лестницей. Тогда у подножия стояли и ждали три коленопреклоненных марайца. Кажется, тоже торговцы. Совпадение?

Настораживающее совпадение, если учесть, что война должна начаться со вторжения в герцогство Марайское...

Паранойя, подумал Барини. Если подозревать друзей в нечестной игре, то лучше и не жить на свете. Гама мог готовить почву для прочной оккупации герцогства, мог расширять число сторонников новой религии, а значит, и Унгана, поддерживать связь с подпольными сектами... И не был обязан докладывать о каждой мелочи в этой работе.

Чувство неясной тревоги все же осталось.

* * *

Еще недавно, одно, может, два поколения назад, наука в Империи не стояла на месте. Где уж ей стоять! Она лежала, не дышала и неприятно пахла. Схоластика, астрология, чутки медицины, толика алхимии – и хватит. Некоторые возводили в ранг науки еще и кулинарию, достигшую небывалой изысканности в правление деда нынешнего императора. Со скоростью эволюции трилобитов развивалось рудное дело. Чуть быстрее, но тоже в целом неспешно совершенствовалось оружие. Словом – нормальное средневековье.

Что вдруг щелкнуло в человеческих головах, отчего мир, что земной, что этот, вдруг перестал каждый год ожидать конца света и заторопился в Новое время – этого Барини не понимал. Пожалуй, в обоих случаях искусство опередило науку. Стремительно, как грибы после хорошего дождя, выросли школы живописцев, скульпторов, поэтов... Открылись первые

театры – порождение проклятых святым Акамой ярмарочных балаганов, – и бывало, что не только герцоги и короли, но и прелаты рукоплескали лицедеям, вместо того чтобы приказать забрать их всех под стражу.

И теперь двор был не двор, если не держал театра и музыкальной капеллы. Театральные представления Барини нередко посещал – среди трагедий, написанных высокопарными стихами, и скабрёзных фарсов иногда попадалось кое-что любопытное, – а местную музыку ненавидел всей душой. Приходилось, однако, терпеть и даже слыть изрядным покровителем искусств, а такое никому не проходит даром: в последние годы в Унган валом повалили жрецы всевозможных муз. Бывало, собачились друг с другом прямо во дворце, а то и дрались, с увлечением таская друг друга за бороды. Князь прощал. Да и как не простить, если вон тот с расквашенным носом, быть может, местный Вероккио, а этот с выбитым зубом – Рафаэль Санти? И пусть оба трясутся от злости, готовые придушить друг друга, – это их дело. Лишь бы соглашались писать картины, проникнутые духом учения пророка Гамы. Это не так уж трудно. Неброская красота, созерцательность, особое изящество линий, а главное – место человека в этом мире. Место гостя, и желательно гостя воспитанного.

А батальные сцены и портреты куртизанок пусть заказывает император.

Но музыка!..

Она звучала минимум дважды в неделю, когда князь устраивал званый ужин, а не обычный прием. Музыкантам на хорах внушалось, что они должны играть как можно тише, но порой они забывались. А иноземные вельможи разносили по Империи сплетни о плебейских вкусах унганского князя: он-де не отличает божественного звука габасской арфы от резкого свиста пастушьей свирели. Клевета! Барини очень даже отличал и звук свирели хотя бы терпел.

Сегодня, как обычно, присутствовало человек двести гостей. Даже неопытный глаз различил бы сразу, что ожидающие ужина приглашенные группируются кучками, сразу отыскивая себе подобных. Немногочисленная родовитая аристократия держалась особняком и постоянно спорила с дворецким, выторговывая более почетное место за княжеским столом. Новое дворянство – по большей части молодое, крикливо и безвкусно одетое, нагловатое – составляло большинство, но большинство не монолитное. Были здесь бедные дворянчики с предлинными родословными, но без титулов и чаще всего без способностей, навеки связанные с Унганом из-за деревеньки в полтора десятка покосившихся хибар, а еще потому, что такого добра, как они, и в Империи предостаточно, спрос на него невелик. Было дворянство новое, вчерашняя голь перекатная, выдвинувшаяся уже при Барини и дерзающая поглядывать на аристократию с насмешливой снисходительностью. При этом военные образовывали свой круг, а к гражданским нередко примыкали служители муз, добивающиеся выгодных подрядов, но добившиеся пока только приглашения на княжеский ужин. Именитые купцы составляли отдельную кучку.

Любопытное было зрелище, если заглянуть в пиршественный зал через отверстие в gobелене. В каждой кучке искренне полагали, что именно их князь должен отличать более других и возвышать над всякими прочими, но вели себя осторожно, выражая свое превосходство лишь горделивыми взглядами да осанкой. Кто может доподлинно знать намерения такого монарха, как Барини Первый? Никто, пожалуй. Стало быть, язык лучше придержать, хотя гордыню можно не обуздывать...

У женщин были свои кружки и кучки, но тут иерархия проявлялась грубее и зримее. «Только королевы умеют молчать», – гласила старая местная пословица. Колкости так и сыпались, а уж мимика, а жесты!.. Пропадал колоссальный материал для драматурга-насмешника вроде Мольера – увы, в Унгане таковой пока не был замечен.

Каждой твари по паре. Барини ненавидел их всех, за исключением Буссора и, может быть, еще троих-четверых. Новое дворянство было еще так-сяк, а дальше – просто классика, хоть суй ее в учебное пособие: бочкообразные купеческие жены, по статьям точно такие же, как зажиточные крестьянки, но надменнее, их толстопузые мужья с бульдожьими брылями вместо

щек, а на другом полюсе тощие, с глазами снулых рыб аристократы в сороковом поколении, их бледные анемичные жены с бескровными губами, крашенными киноварью... Контраст. И назидание для тех, кто заглянет в упомянутое учебное пособие: при естественном ходе событий эволюционная победа обеспечена толстым, это яснее ясного. Хорошо, что Унган богат и уже оправился от прошлой войны, в которой не сильно-то и пострадал, иначе вне дворцовых покоев в глаза повсеместно бросался бы третий полюс: скелетоподобные бедняки, их женщины с выпирающими костями, их дети с тонкими, как спички, конечностями и раздутыми животами...

Совесь! Иногда Барини ощущал уколы этого непозволительного для монарха чувства. Война должна начаться незадолго до уборки урожая. В герцогстве Марайском и графстве Пим будет голод. Мужичков мобилизуют, конница потопчет посевы, а ведь тамошние крестьяне уже с начала лета едят траву, кору и всякую дрянь. Конечно, в Унгане накоплены большие запасы зерна, и план кампании предусматривает раздачу продовольствия голодающим на завоеванных землях, дабы обеспечить лояльность населения, однако же... Однако же ясно, что, несмотря на помощь продовольствием от княжеских щедрот, скелетоподобные бедняки и дети с раздутыми животами будут, будут...

Это война. Это выбор. Это ответ на вопрос, о чем благе должен радеть гуманист, кого жалеть – конкретных людей или все человечество с его шатким настоящим и далеким, не известным этим людям будущим? Не интересующим большинство этих людей, черт возьми, потому что далекое будущее – это ведь не ближайшее!

Глядя сквозь отверстие в гобелене на то, как виконт Шарам ковыряет тощим, как паучья нога, пальцем в горбатом носу, Барини гнал из головы сомнения. Все уже решено, все тщательно обдумано. Наверняка война преподнесет сюрпризы, но вряд ли фатальные. Послевоенный период тоже не сахар, и сюрпризы будут такие, что не раз захочешь завывать волком и казнить кого-нибудь... но справимся! А люди – что ж! Сойдут и эти. Лучших все равно добыть неоткуда.

Барини кивнул дожидавшемуся церемониймейстеру – тот заспешил вперед, раздуваясь на ходу, как рыба-шар. Это был во всех отношениях безупречный дурак, дурак эталонный, образцовая дубина, но при всем при том дубина редкостно усердная. Вызубрить наизусть сотни параграфов придворного этикета и не путаться в них, и знать, к какой ситуации применим каждый отдельный параграф, – это не каждому дано. Плюс звучный голос и внушительная комплекция. Если в идеальном государстве, по мысли фантазеров-просветителей, каждый человек должен быть на своем месте, то церемониймейстер свое место нашел – не без содействия князя, понятно. Сам по себе он бы так и помер никому не нужным остолопом.

Удар гонга оборвал разговоры придворных. Церемониймейстер набрал в грудь столько воздуха, что глаза у него полезли из орбит, и выкрикнул княжеский титул. Метнулось пламя свечей, загуляло под древними сводами эхо. С новым ударом гонга Барини вошел в зал, и сейчас же на хорах загрели, запищали, задудели музыкальные инструменты, черт бы их побрал. Стараясь не морщиться, ни на кого не глядя, не отвечая на низкие поклоны, Барини проследовал к княжескому месту во главе стола. Сел с брюзгливым видом. Гобои на хорах взвыли. Слуга поднес князю серебряную лохань для омовения рук.

Даже сквозь визг оркестра чуткое ухо уловило бы шепотки. Обычно князю подносили огромную золотую лохань, а придворным – серебряные. Но сегодня ко двору был приглашен барон Дану, родственник маркграфа Юдонского, давно попавший в поле зрения Барини как шпион ордена Акамы Бессмертного и платный агент тайной полиции императора. Князь не видел барона в толпе придворных, но знал: он там, и замена посуды будет отражена в донесении шпиона министру имперской безопасности. Пусть в Империи думают, что Барини обнищал, пустив все свое золото на военные расходы. Это значит, что у него не хватит средств на долгую войну. Может быть, иссякли россыпи близ Холодного хребта или сказались налого-

вые поблажки единоверцам-еретикам – не важно это! Важны заключения, к которым придут – должны прийти! – советники молодого и неопытного императора.

Еще важнее стратегический план ведения войны, принятый на основе этих и многих других донесений. Найдется ли у трижды битой Империи достаточно воли и терпения вести войну до полного истощения ресурсов Унгана? Достанет ли упорства бесконечно отступать, маневрировать, щипать врага наскоками и отскакивать, обрекая на разорение свои же владения? Или многоопытные, но, к счастью, не всегда умные и не всегда бескорыстные советники императора убедят его дать генеральное сражение спустя несколько месяцев после вторжения, а то и раньше? Дай-то бог...

Дождавшись монаршего взгляда, церемониймейстер возгласил, что сиятельный князь, мудрый и великодушный, краса и гордость, опора истинной веры, и так далее, и так далее, приглашает гостей к столу. Как всегда, произошло маленькое столпотворение: придворные кинулись занимать места по невесть какому ранжиру, презрев разложенные на столе специальные таблички с каллиграфическими надписями. Иные и читать-то не умели. Вздохнувшего до мертвенной бледности Буссора, угодившего в человеческий водоворот, совсем затолкали. Как всегда, дюжие слуги под командой дворецкого без особого шума, но решительно и довольно скоро – всего минут за пять – навели порядок. В былые времена из-за мест случались кровавые стычки, звенела сталь, челядь уносила раненых – теперь же, по уверениям гвардейских офицеров, двор стал не в пример скучнее, но зато гораздо солиднее, ни дать ни взять остепенившийся с возрастом гуляка.

«Погодите, погодите, – думал Барини, пряча усмешку, что так и норовила искривить губы. – Это только начало. Будете вы наблюдать монарха по великим праздникам через занавеску, это я вам обещаю. Еще при моей жизни будете. Детям и внукам расскажете об оказанной вам великой чести. И никаких вам „я“, поняли? Никаких людей-атомов и войны всех против всех. Только служение. Только долг перед сюзереном. Только корпоративность в служении и быте. Под эгидой учения святого Гамы. Точка».

Вдоль стола задвигались слуги с лоханями для мытья рук приглашенных, подносами с дичиной, паштетами, фруктами. Несли груды ветчины и птицы, фаршированные кабаньи головы с клыками в пядь и тушенных со специями ежей, засахаренные плоды и маринованных в винном уксусе ящериц, драгоценную икру морского паука и жареных пиявок, откормленных на молочном поросенке. Поросят тоже несли. На блюде длиной в пять шагов несли свернувшуюся в сложный узел сахарную змею с глазами-цукатами, и блюдо на сей раз было не серебряным – медным.

Теперь Барини видел барона Дану – худосочный сморчок сидел за родовитой унганской аристократией, вертя в тощих пальцах двузубую вилку со столь далеко разнесенными зубьями, что при неосторожном обращении запросто мог бы выколоть себе или соседу оба глаза, осторожно разглядывал гостей и временами по-совиному моргал. Казалось, он сейчас заснет. Рядом с ним молодой аристократ проникался учением святого Гамы, предписывающим среди прочего созерцание, – глотая слюни, с возделением созерцал блюдо, полное жареных перепелов.

Слуга наполнил княжеский кубок до краев.

– За Унган! – воскликнул Барини, грузно поднявшись из кресла. И сейчас же раздался множественный грохот отодвигаемых стульев, зашуршали платья, и гости нестройно рявкнули:

– За его светлость князя Барини Справедливого! Унган и Гама!

Казалось, испустив боевой унганский клич, придворные немедленно ринутся на штурм чего-нибудь посерьезнее, чем горы снеди и кувшины вина на пиршественном столе.

– Унган и Гама!

– ...и Барини Справедливый!

– Да здравствует...

На хорах грянули литавры. Некая труба издала вопль мучимой кошки.

Князь отпил глоток марайского вина и сел. Теперь всем можно было сесть и есть. Лихо заработали челюсти. Штурм начался самоотверженно, по-унгански.

Сегодня Барини ел и пил мало. Секретарь-отравитель отбил аппетит, но дело было не только в этом. Иногда, особенно на торжественных церемониях или пирах, на него, Анатолия Баринова, блистательного князя Барини, недавно прозванного Справедливым, накатывало нечто такое, что, покопавшись в себе, правильнее всего было бы назвать страхом неопытного актера, получившего главную роль по неожиданному режиссерскому капризу. Актеришка до потолка скакать должен, а у него голова кружится – не от счастья, а от страха – и тремор в коленях. А ну как освистают?

Он так и не вжился в роль окончательно. Случалось, напивался до бесчувствия – не помогло. Страх не пропал. Временами он набрасывался совершенно неожиданно, как бандит из-за угла, но это был уже привычный страх, он и не пугал почти. Барини сжился с ним и временами даже испытывал извращенное удовольствие, напоминающее острое наслаждение игрока в русскую рулетку. Иногда до ужаса хотелось признаться кому-нибудь во всем – но кому? Верному единомышленнику? Он сочтет князя сумасшедшим. Наследнику? Он еще мал. Любимой женщине? Ее не было у Барини. Были любовницы и просто случайные девки, много их было, в некоторых из них он даже видел не просто тело для койки, некоторые вызывали теплую привязанность – но ни одна не годилась на роль подруги до конца дней. Последняя пассия, виконтесса Пупу, женщина красивая, тщеславная, себялюбивая, ненасытная в обогащении, безмерно похотливая и весьма глупая, получила отставку сравнительно недавно – сразу после того, как нахально заявила, что беременна от князя. От кого она там была брюхата на самом деле, Барини не допытывался. Хватило и твердого знания: местные женщины от землян не беременеют. Точка. И долой виконтессу. В поместье. Пусть там рождает кого хочет и от кого хочет. Пусть принимает в будуаре всяких проходимцев, домогающихся протекции (каждый второй – наверняка шпион), если только эта братия сохранит к ней интерес. Что вряд ли.

Был еще княжич, наследник, угловатый одиннадцатилетний подросток, некогда пододбренный младенцем возле трупа простолюдинки. Монарх может не иметь ни законной супруги, ни официальной фаворитки, хоть это и неприлично, но наследника он иметь обязан. Монархии везде одинаковы. Если бы в каком-нибудь из обитаемых миров люди размножались почкованием, как гидры, то и там непочкующийся монарх не был бы в почете.

Сейчас мальчик, видимо, спал. Наследнику нечего было делать на шумных и пьяных княжеских пирах, нередко заканчивающихся далеко за полночь. И видеть эти жующие челюсти, эти стекающие по подбородкам слюни пополам с мясным соком, эти рожи...

А ведь почти наверняка кто-нибудь из приглашенных играет за ту же команду, что граф Дану, подумал Барини. Кто-то ведь сообщил клану Шусси о паломничестве унганского князя и щедро заплатил за убийство. Кто-то из своих, из близких... и не покойный секретарь. Чему и удивляться? Где это слыхано, чтобы власть имущие не имели врагов? Разве что в сказках.

Спустить с начальника тайной стражи шкуру, если не найдет предателя...

Страх умереть настолько отсутствовал сегодня, что стало даже противно. Ковыряя двухзубой вилкой в салате из съедобных лишайников, рассеянно глядя на жующую и чавкающую придворную биомассу, Барини вдруг понял: вот оно. Случилось. За этой чертой актерская игра становится жизнью... Нестерпимо скучной. Великая цель слишком неподъемна для простых человеческих способностей. Нельзя жить так изо дня в день, из года в год – либо свихнешься, либо сопьешься, и уж тогда недолго ждать конца. Унылы обыденные игры монархов... Как же все-таки своевременно подоспела война! Когда унганские полки подобно северному ветру обрушатся на юг, скучать будет некогда.

Оказалось, что кубок уже осушен. Слуга тотчас поспешил наполнить его. Барини поднял кубок, и церемониймейстер ударил в гонг. Все смолкло.

– За ветер с севера! – провозгласил Барини. – Унган и Гама!

Надо было быть идиотом, чтобы не понять. Похожий на сову граф Дану идиотом уж точно не был.

Глава 5

При прежних маркграфах его непременно колесовали бы без всякой пощады. Сунуть нож под ребра уважаемому торговцу – непростительная глупость, если не удалось благополучно унести ноги и хорошенько замести следы. Арапона, человека без определенных занятий, тридцати лет от роду, приписанного к крестьянскому сословию, холостого, ранее судимого за мелкую кражу, взяли на сбыте добычи. Кто мог знать, что подлец Зуза продан марбакаускому прево? И добыча-то оказалась не шибко жирная... тьфу!

Воришек в Унгане спокон веку драли кнутом и отправляли на каторжные работы вместе со злостными неплательщиками податей, казнокрадами не из крупных, содомитами, неудачливыми беспатентными лекарями, лживыми доносчиками, раскаявшимися богохульниками и всякой пестрой швалью. Воров, попавшихся вдругорядь, – вешали без долгих разговоров. Знатным господам секли головы. Еретикам полагался костер. Убийцам – колесо.

Просто и понятно. При большем или меньшем стечении народа палач раздробит жертве кости, а когда непереломанных костей останется всего ничего и публика вдоволь натешится криками – милосердно удушит то, что осталось от приговоренного. Или не удушит, если мера злодеяний преступника ожесточила суд. Чего тут не понять?

Непонятности начались, когда старых маркграфов заменил новый князь. Особо изуверские казни постепенно сошли на нет, а костры на площадях исчезли вовсе, как и колеса с эшафотов. Пики для голов и виселицы по-прежнему не пустовали, полиция стала работать лучше прежнего, и суды не церемонились с уголовниками, однако все чаще звучал приговор: «К вечной каторге!» Нередко случалось, что приговоренного висельника никто и никогда больше не видел, а потом в народе распространялся слух, будто бы сам князь даровал негодяю жизнь. Было замечено, что везет преимущественно тем, кто влип в мокрое дело по природной тупости, отчаянию, а то и вовсе ненароком. И обязательно здоровякам. Хилых волокли на эшафот, а здоровенные детины имели шанс. По Унгану гуляла ехидная песенка:

Мускулист и краснорож,
Не боюсь суда я.
Сгинь, палач! Ведь я похож
Аж на государя!

Но что за новую каторгу придумал повелитель? Купцы, солдаты удачи и нищие бродяги, слоняющиеся как по Унгану, так и за его пределами, ничего не могли сообщить. Да, есть старые рудники, а есть и новые... Освобожденные по истечении срока каторжники, принимая в трясущиеся руки подаяние, качали головами: нет, на нашем руднике (галере, стройке, фабрике) бессрочников не было...

Куда пропадали приговоренные к смерти, никто не мог сказать. Поговаривали, будто бы князь продает их в маркграфство Юдонское на работы по осушению болот, где несчастные тонут чуть ли не тысячами. «Более осведомленные» пренебрежительно морщились: чепуха! Князю приглянулись земли, лежащие севернее Холодного хребта и простирающиеся до самого океана. Сведущие люди говорят, будто в тех краях одно дуновение северного ветра превращает человека в сосульку... Э, бросьте! Откуда мне знать, чего хочет князь! Повелитель мудр, он небось знает, чего хочет! Мне кум рассказывал, будто льдины там сами собой превращаются в алмазы...

Гуляла в народе и такая версия: готовясь к войне, князь Барини формирует из приговоренных особый отряд смертников-взрывников, опаивая их особым зельем. Вообще много было версий. Арапону оставалось лишь гадать, какая из них верна.

Приговор суда был недвусмыслен: смертная казнь через повешение за шею. Но Арапон был уверен: ему повезет.

Он исхудал в тюрьме, но все еще оставался обладателем мощного торса, бычьей шеи, толстых ног и могучих рук. Глядя на эти руки, Арапон думал: неужели они будут связаны за спиной, когда его заставят подняться на эшафот и поставят под виселицей? Быть того не может! Эти руки нужны князю, а значит, их обладатель будет жить.

Как жить – вопрос в данную минуту лишний. Главное – жить!

Каторга? Пусть каторга. Со временем может выйти помилование. Разные бывают чудеса, надо только выждать. А может, удастся сбежать. На этом свете непоправима лишь одна неприятность – смерть.

Сидя на каменном выступе лишенной и намека на мебель камеры смертников, Арапон не молился. Он ждал. За ним должны были прийти с рассветом – прийти и повести на казнь. Придут ли?

Быть может, придут раньше и зачитают волю князя? Или оставят здесь на несколько дней, чтобы помучился и раскаялся, а помилование объявят уже потом? Пусть каторга, пусть! Только бы жить!

Железная дверь камеры завизжала с первыми лучами рассвета, и Арапон увидел стражников. Значит, конец... Но незнакомый человек, одетый как судейский чиновник, вошел в камеру и не без усилия затворил взвизгнувшую дверь, оставив конвой снаружи.

– Ты готов к смерти? – спросил он.

Арапон кивнул. Он понял, что таковы правила, и намеревался играть по ним. Но сердце билось отчаянно и радостно. Зачем было закрывать дверь? Разве он государственный изменник, у которого напоследок хотят что-то выведать или вырвать лишнее признание?

– Если ты принадлежишь к Всеблагой церкви, к тебе приведут священника, – продолжал чиновник.

Арапон покачал головой. Он сам не знал, к какой церкви принадлежит. С тех пор как в Унгане перестали преследовать ересь, вопросы религии нимало не волновали Арапона. Ни святой Акама, ни пророк Гама не помогут ему. Лишь госпожа Удача благоволит вора, да и то не всем и не всегда.

– Не желаешь ли ты сообщить что-нибудь напоследок? Сейчас самое время это сделать.

Арапон вновь покачал головой. Он мог лишь повторить то, что уже сказал на суде: резать того олуха не входило в его намерения. Такой пристойный с виду горожанин, сразу и не скажешь, что недоумок... Дернула его нелегкая завопить на весь квартал: «Грабят!» Ну не дурак ли? Молчание – золото. А иногда молчание – жизнь. Тем более глупо вопить, когда несешь на себе отнюдь не состояние. Добыча-то курам на смех. А Зуза – предатель, гореть ему в аду...

– Тогда вставай, – холодно молвил чиновник. – Пора.

Впоследствии Арапон рассудил, что чиновник по-своему наслаждался риском, – ведь ручные кандалы отлично сойдут за кистень, а приговоренному к веревке терять нечего... Но сейчас у него упало сердце. Руки и ноги перестали слушаться. Кишки свело спазмом.

И только тогда чиновник сказал, явно наслаждаясь эффектом:

– Славь милость повелителя. Твой приговор не утвержден князем, да будет благословенно его имя. Тебя ждет вечная каторга. Ты недоволен? Встать!

Арапон поднялся, ощущая в ногах противную дрожь, веря и не веря услышанному.

Через несколько минут он осознал, что его ведут к реке. Огромное, замшелое от старости здание тюрьмы, лет триста назад перестроенное из крепостного форта, нависало над водой, и в спокойном течении отражались зарешеченные окна-бойницы. Под стрельчатую арку уходил канал со стоячей водой. Горожанин с воображением мог представить себе чудовищное количество трупов, тайно вывезенных отсюда по реке и утопленных в реке же за городом. Наверное, их накопилась не одна тысяча – за три-то столетия...

Ноги скользили по осклизлому камню. Еле слышно плеснула волна. Арапон почуял запах стоячей воды.

Свет пробивался издали, света было мало. Арапон скорее почувствовал, чем увидел большую лодку, пришвартованную к каменному причалу.

– Этот хоть последний? – брюзгливым голосом осведомился лодочник, приняв Арапона на борт.

– Нет, будет еще один. Жди, – ответил чиновник.

Поежившись от утренней прохлады, лодочник зевнул во всю пасть и выругался, помянув ежовый мех. С лязгом провернулся ключ в замке. Арапон и не думал сопротивляться. Приковали? Ну что ж, не беда. Еще поживем!

Он не сразу понял, что приковали его не к борту, а к веслу. Рядом кто-то дышал, распространяя зловоние. Звякнула еще одна цепь. И без чиновничьих слов легко было догадаться, что помилованных несколько.

Помилованных ли? Это еще вопрос. Никто не знает, что это такое – новая каторга князя Барини. Известно лишь, что пока никто оттуда не возвращался. Дураку понятно, что место не из приятных. Но жизнь, жизнь!..

Ждать пришлось довольно долго. Мало-помалу глаза привыкли к сумраку. Арапон разглядел, что таких, как он, в лодке еще двое. Место по соседству пустовало.

Наконец привели последнего, лодка колыхнулась, и вновь проскрежетал ключ в замке. Трое стражников спустились в лодку. Прозвучало: «Отваливай».

– Эй, висельнички, беритесь за весла, чтоб вас вспучило, – подал голос лодочник, перебираясь на корму к рулю. – Да чтоб гребли как следует! Кто волынить будет, того плетью пораду!

Никто из прикованных и не думал волынить. Помилованные еще не до конца поверили в чудо. Работать? Да сколько угодно! С восторгом! Сокрушить гору, осушить болото, вылизать навозную лужу... только бы жить.

– Взялись! И... раз!

Лодочник был искусен. Ни разу не задев веслом о стенки туннеля, лодка вырвалась на свет. Арапон зажмурился, но грести не перестал. Лодка развернулась против течения.

– Навались!

И навалились. Часа не прошло, как город остался позади. Потянулись луга с пасущимся скотом, сжатые и несжатые поля, перелески. Скрылся за рощицей шпиль храма Святого Акамы. С берега тянуло полузабытыми запахами. Избегая выбираться на стрежень, лодочник проводил суденышко впритирку к желтеющим мысам. Вода намыла на дне песчаные волны. В темных заводях цвели водоросли. Умилительно...

Никто не жаловался, что устали руки и спина. Гребли целый день с одним непродолжительным привалом. На передней скамье стражники от скуки резались в кости. Стражников не радовала ни природа, ни служба, ни сама жизнь. Кто имеет, тот не ценит.

Поглядывая на опускающееся солнце, лодочник торопил и торопил. Уже в сумерках на берегу замаячили деревянные постройки монастыря Водяной Лилии с чудными изогнутыми крышами. Нигде, кроме как в Унгане, не было подобных строений. Поговаривали, будто бы странная эта архитектура, насаждаемая князем, была не только одобрена самим Гамой, но лично им и придумана.

Лодка свернула к причалу. «Суши весла, дармоеды», – проворчал лодочник. Арапон слишком вымотался, чтобы возмущаться поклепом. Дармоеды? Кто говорит о еде? За целый день гребцов так и не покормили, лишь позволили напиться воды прямо из реки.

Но почему монастырь? Чуть-чуть отдышавшись, Арапон начал соображать. Просто место ночлега? Или судьба приговоренных и помилованных – стать монастырскими рабами?

Но тут сзади ржаво заскрежетал ключ в замке, и характерно звякнула цепь. Гребцов по одному сводили на берег. «Куда нас теперь?» – спросил сосед Арапона, когда до него дошла очередь, и ответа не дождался.

Пусть так. Если бы князь, не любящий, как всем известно, зрелища публичных казней, приказал по-тихому утопить преступников в реке, это было бы сделано, во-первых, ночью, во-вторых, не так далеко и, в-третьих, ниже города по течению. Тут и тупой догадался бы, что слухи о какой-то новой княжьей каторге – не пустые выдумки.

О бегстве Арапон пока не помышлял. В ножных кандалах далеко не уйдешь, да и незачем испытывать терпение княжьего правосудия. Потом – другое дело. Рассудок, правда, говорил, что с новой каторги никто еще не убежал, но сейчас Арапон не был склонен прислушиваться к голосу рассудка. Что значит не убежал? Это еще неизвестно. А не убежал, так убежит! Жизнь играет человеком, предоставляя ему возможности, и кто не умеет их видеть, тот дурак.

На берегу им приказали сесть на землю. Цепей не сняли. Молоденький монашек с бритой по новому обычаю головой принес поест – четыре миски каши и один на всех кувшин с водой. Стражники зажгли факелы. Поодаль светились огни монастыря. Было тихо.

Тихо – полбеда. Было странно! Всем своим существом Арапон чуял подвох, но в чем он? Голод мешал думать. Запах каши дразнил, и Арапон быстро выскреб миску пятерней. Сыто рыгнул, потянулся к кувшину, отпил...

И начал проваливаться в сон. «Отравили, – подумал он, не замечая, что сосед справа грубо вырвал у него кувшин и припал к нему волосатой пастью, а он сидит с глупой улыбкой на лице и даже не огрызнулся. – Все-таки обманули. И не больно совсем... Жалко помирать, но если смерть такова, то чего же все ее боятся?»

О перспективе угодить в ад он не думал. Воры сплошь и рядом суеверны, но истово верующих среди них искать бесполезно. Была в Унгане Всеблагая церковь – Арапон не возражал. Появилось вероучение Гамы – он тоже не противился. Живи здесь и сейчас – какая тебе разница, что ждет там, за порогом?

Ад пугал больше во снах. Нет ничего приятного в том, что демоны крючьями сдирают с грешников кожу, а та вновь нарастает, чтобы демоны не остались без работы. А уж что они с мужскими гениталиями делают, о том лучше и не вспоминать. Вливание в глотку нечистот – это так, пересменка между настоящими муками. Гама сулил иное – бесконечный круговорот жизненных циклов, – но тоже не был особенно добр. Родишься в следующей жизни червем, насадят тебя на крючок, и будешь извиваться, глядя в ужасе, как приближающаяся рыба распахивает рот... Обе перспективы равно годились на то, чтобы проснуться в холодном поту и с криком.

Не случилось ни того, ни другого. Арапон закатил глаза и умер, а умерев, начал скорее ощущать, чем видеть странное. Сначала его куда-то волокли, потом бросили в некий ящик, но не гроб. Ящик не был ни деревянным, ни металлическим, а его вместимости хватило на всех четверых. Бесшумно надвинулся прозрачный – наверное, стеклянный – колпак, и начался полет...

Вечность или мгновение – Арапон не мог бы сказать. Он не удивился бы, узнав, что на том свете нет понятия времени. Свет звезд проникал сквозь прозрачный колпак. Почему-то слегка мутило – от яда, наверное. Оказывается, покойников тоже может тошнить, отметил про себя Арапон, нимало не удивившись. Думать он не мог, не мог и удивляться. Он лишь воспринимал.

Потом – спустя вечность или мгновение? – все изменилось. Арапон почувствовал себя лежащим на чем-то излишне жестком, а в синем небе над ним плыли облака. Наверное, это был не ад. Значит, случилось перерождение? После нескольких попыток Арапон пошевелился и сумел понять, что тело его нисколько не изменилось. Даже кандалы были на месте. Младенцем он не стал, не стал и червем или какой иной пакостью, а значит, вероятно, не переродился. Удивительно.

Чуть-чуть подташнивало, но дышалось хорошо. Рядом шумела вода – мельница, что ли? Арапон скосил глаза и увидел быструю речку, едва не лижущую пятки. Он лежал на галечной отмели. Все четверо помилованных лежали тут же рядышком, как колбасы на прилавке.

Значит, не ад и не перерождение? Значит, все-таки каторга? Значит, не отравили? Значит, жив?!

Его окатили холодной водой. Арапон так обрадовался, что забыл вознести благодарственную молитву святому Мимони, самому полезному из святых, покровителю торговцев, воров и людей всякого занятия, ищущих денежной выгоды. Каторга – это значит поживем еще!

Над Арапоном склонилось чье-то мурло – нечесаная борода, нестриженные космы да мясистый облупленный нос.

В бороде открылся провал рта:

– Очухался? Вставай.

Сесть не получилось. Арапон перекатился на бок, подтянул под себя ноги и поднялся на четвереньки. Передохнул – и взгромоздился на ноги.

Огляделся.

Речка, что журчала в двух шагах, мелкая и быстрая, текла с гор. Таких гор Арапон не видывал – громадные, нестерпимо сверкающие снежной белизной. Не горы – чудовища. Будь они поближе, захотелось бы бежать от них прочь с бессмысленным криком. Но местность поблизости была слабовсхолмленной – и только. С десятков хибар, больше похожих на деревянные сараи, облепили пригорок, как поганки пень. Кое-где росли деревца, зеленела трава. Вдали синел лес, взбираясь по склонам. Светило и даже припекало солнышко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.